

№ 54-55

ЦЕНА 1 Fr.

ОРГАН

РУССКИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ

НОЯБРЬ ДЕКАБРЬ 1929 г.	« DIELO TROUDA » Journal Mensuel Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу : Librairie G. Franssen (pour Dielo Trouda) 11, rue de Cluny, Paris V^e	5-ый год издания

ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЕЛИКИЙ ОБМАН

(12 лет социального переворота).

Нам, анархистам, неоднократно приходилось говорить и писать о содержании русской социальной революции, о ее смысле и задачах. И каждый раз мы указывали на глубочайшее смертоносное противоречие между основным историческим содержанием ее и той государственной политикой, которую от имени революции ведет захватившая власть партия якобинцев — большевиков.

Русская революция... Это слово никогда не понималось и никогда не будет пониматься одинаково рабами ручного труда и теми людьми, которые живут идеей власти и претендуют на руководство и управление массами.

Резкое расхождение между ними началось с первых практических шагов революции. Для рабочих и крестьян России наша революция представляет единый процесс борьбы с капиталистическим миром, начавшейся в 1904-5 г.г., перенесшей ряд поражений и завершившейся в 1917 г. низвержением буржуазно-капиталистического строя.

Большевики связывают русскую революцию, главным образом, с известными событиями 1917 г., т. е. с их борьбою за власть. И это вполне понятно: среди них не найдется ни одного, кто бы с первых дней революции был сторонником идеи социального переворота. А между тем русская революция, как революция рабочих и крестьян, выдвинула этот лозунг уже в первый период своего развития, т. е. в 1905 г. Уже тогда явственно обнаружился ее специфически пролетарский, специфически социальный характер. Массы определенно устремлялись к низвержению капиталистического строя в городах и земельно-феодального в деревнях. Аграрные восстания в 1905 г., массовый аграрный террор крестьян, земельные комитеты крестьян, одновременно с этим восстанием рабочих в ряде городов, разлитой экономический и антибуржуазный террор, создание в ряде городов советов рабочих депутатов — все это было проявлено восставшими массами в первый год революции 1905 г. и все это вернее всяких партийных программ свидетельствует о подлинном содержании и направлении этой революции.

В глубинах масс, из их насущных потребностей родилось это направление, пробилось наружу и повсеместно заявило о себе. Все политические партии встретили его острой враждой. Достаточно припомнить с каким бешенством большевики во главе с Лениным, меньшевики во главе с Плехановым и Мартовым и эсеры во главе с Черновым набросились на анархизм за его призывы к социальной революции. Все они в один голос кричали, что социальная революция это утопия, что «история» призывает рабочих и крестьян делать только буржуазную революцию, и они прилагали все свои усилия, втягивая пролетариат и крестьянство в эту грязную историю борьбы за буржуазную демократию. Рабочий класс и крестьянство, *вопреки всем политическим партиям*, при идейной поддержке одних только анархистов отстаивали идею социальной революции.

Грубая сила царизма разбили революцию 1905-6 г.г., приостановив ее дальнейшее развитие, *но направление* этой революции, как революции социальной, навсегда осталось.

После разгрома революции 1905 г. наступили годы лютой реакции, длившейся 10-11 лет. 1917 год вновь толкнул рабочие и крестьянские массы на штурм самодержавия и капитала. Положение было то же, что и в 1905 г. — придушенные и ограбляемые рабочие и крестьяне с одной стороны и грабители помещики, буржуа и государство — с другой. Но обстановка на этот раз

сильно благоприятствовала массам. Лишь только первый барьер — самодержавие — был опрокинут, социальный вопрос встал во всю свою силу и мощь. Вновь все политические партии заметались, ища устойчивых позиций и не находя их. Мы знаем, что эсеры и меньшевики имевшие в первые месяцы революции в своих руках государственную власть, встали в резкую оппозицию к нараставшему революционному движению масс. Дальше надежд на учредительное собрание мысль их не шла. Не лучше обстояло дело и у большевиков. Вся их партия считала происходившие революционные события осуществлением идей буржуазной революции в России. Лишь на апрельской конференции большевиков (в 1917 г.) Ленин указал на то, что партия ошиблась, держа курс на буржуазную революцию, что рабочий класс и крестьянство идут к социальному перевороту и что партии, чтобы не оказаться в хвосте событий, необходимо перестроить свою тактику.

Рабоче-крестьянские массы делали тем временем свое дело. Уже в первые дни мартовской революции крестьяне в порядке революционной экспроприации, забирали помещичьи и государственные земли, создавали свои земельные комитеты и советы. В том же порядке рабочие местами обобществляли предприятия, либо устанавливали на них свой контроль. Повсеместно на предприятиях возникли фабрично-заводские комитеты, были созданы советы. Правда, на верхах крупно и мелко-буржуазных революционеров в это время была организована власть (временное правительство), но широкие массы не придавали ей значения и двигались своим путем. Лозунг — «фабрики — рабочим, земля — крестьянам» —гулко катился по всей стране. Ниспровержение капиталистического строя становилось делом ближайших недель или месяцев. Ничто уже не могло предотвратить его. Отчетливо наметилась система нового хозяйственного строительства на основе самоуправления рабочих классов. Впервые в истории порабощенные массы приступили к полной ликвидации рабского строя и построению свободного трудового общества.

И вот в этот момент явился большевизм, уже перекрашенный, задрапировавшийся в плащ пролетарской социальной революции. Вкрадчиво хитрым языком он стал развивать перед массами старые идеи власти, но заключенные в новую форму. Он убеждал, что лишь организованный в государство пролетариат сможет справиться с врагом и построить новое общество свободы и равенства. И он выставлял себя, как носителя такого пролетарского государства и убеждал, что ему одному должны быть вручены ключи этого государства.

Эта проповедь новой власти представляла самый опасный момент для революции рабочих и крестьян. Ею — новой властью — большевизм стремился подменить процесс самоосвобождения рабочего класса. Этого не учли массы и не приняли необходимых мер против властнических домогательств большевизма. Анархисты были единственной силой, понимавшей социальную революцию в форме прямой борьбы и непосредственного (безгосударственного) строительства трудящихся. Но благодаря своей всеобщей дезорганизованности, они не смогли в сколько нибудь значительном размере противопоставить большевистской идеологии антигосударственную идеологию анархизма.

Эксплуататорские классы были ниспровергнуты. Социальный переворот совершился. Пользуясь им, большевики захватили власть и утвердили свою диктатуру, назвав ее диктатурой пролетариата. С этого началось хождение по мукам русской революции. Первые дни диктатура находилась еще под воздействием не закончившихся революционных событий, в революционной атмосфере. Затем она стала систематически прибирать всю революцию к своим рукам. На 12-м с'езде партии уже было заявлено, что «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. компартии» (резолюция по отчету Центр. Комитета Партии). Но диктатура компартии — это диктатура ее Цен. Ком. Диктатура этого последнего свелась к диктатуре семерки — политбюра и наконец выродилась в диктатуру одного наиболее пронырливого лица. Этот путь развития диктатуры, а вместе с тем и искажения русской революции должен был быть очевидным для каждого, понимающего сущность принципа диктатуры.

Инициатива миллионных масс, действующих согласно своим классовым интересам, заменилась инициативою диктаторского центра, действующего в согласии с произволом и прихотью диктатора. Десятки миллионов тружеников вынуждены были замереть, не говорить и не думать, а слепо выполнять приказы центра. Этот центр взял на себя ответственность «все устроить», со всем справиться и привести массы в царство социализма. И на основании этого он стал применять средства безграничного насилия ко всем инакомыслящим революционным силам, ко всем, не верящим в непогрешимость большевистского диктатора. Государственный аппарат в этом отношении был к его полным услугам.

Гибельность партийной диктатуры для революции сказалась в первые же годы ее установления. В то время, как непосредственная, руководимая революционным чутьем и гением масс борьба с самодержавием и затем с капиталистическими классами закончилась величайшей победой труда над капиталом, большевистская диктатура не только не развила этой борьбы и ее плодов, — она пожрала большинство завоеваний рабочих и крестьян. Фактическое положение рабочих и крестьян на 12 году диктатуры партии лучше всего это показывает. Рабочие и крестьяне лишены права свободного профессионального об'единения. Союзы превращены в безвольные придатки государства. Рабочие и крестьяне лишены права свободного политического и общественного об'единения, т. е. тех кровных политических прав, которых они добились тяжелой 12-ти летней борьбой с самодержавием и буржуазией (1905-17).

Кроме господствующей большевистской партии и большевистской прессы никакая иная политическая организация и пресса рабочих и крестьян не дозволяются. Вне полицейского надзора рабочие и крестьяне не имеют ни права собраний, ни права голоса. И в то же самое время они подвержены самой хищной эксплуатации

и грабежу. Само живя в привилегиях и излишествах, новое красное дворянство большевиков занимается исключительно эксплуатацией рабочих классов, расточительством и пожиранием их труда.

Агитируя за свою власть, большевики говорили, что они создадут *новое, пролетарское* государство, которое *качественно* будет отличаться от государства буржуазии и которое исключительно будет служить трудящимся. — Наше государство, говорили они, по своему типу будет сходно с Парижской Коммуной. (Ленин «Государство и революция»). Ложь! Большевики создали государство, в котором бюрократия и полицейщина развиты до никогда небывалых размеров. Аппарат этого государства охватил всю страну. Нет того места, — будь то экономика или область общественных отношений, где бы этот аппарат не имел своего «глаза» и своих «рук» и где бы он всего не сковал. При том вся сила этого аппарата направлена, главным образом на удержание в подчинении трудовых классов. Надо быть круглым дураком или сплошным прохвостом, чтобы утверждать, что диктатура служит для подавления воли и происков враждебных труду классов. Эти классы еще в 1917-18 г. были сметены революционными взрывами масс. Если после 1921 г. они несколько ожили, то исключительно благодаря частно-капиталистической политике большевиков (нэп). Но не с ними ведет борьбу государство большевиков. Все силы этого государства сосредоточены на порабощении рабочих и крестьян. Сотни тысяч советских чиновников, чекистов, членов партии и лидеров «работают» беспрерывно над отнятием хлеба у крестьянства, над загоном его в колхозы и т. д. Другие сотни тысяч бюрократов, партийцев и чекистов «трудятся» над выжиманием максимума труда из рабочих. Вся «советская» пресса поставлена на службу этим основным задачам большевистского государства.

В 1919-20 г.г. большевизм дал рабочим милитаризацию труда, крестьянам продразверстку. В 1921 г. большевики ввели нэп и доказывали, что возврат к частному капитализму необходим в интересах социализма, что частный капитал, в условиях большевистской диктатуры, будет неизбежно вростать в социализм и сольется с ним. Последние годы большевики вновь изменили курс и за теорию вростания кулака в социализм стали преследовать. Теперь государственный пресс с новой силой жмет трудящихся к государственному капитализму.

С разными отклонениями и задержками большевики идут все к одной и той же своей основной цели — к созданию *государственного коллективизма*, т. е. государственного капитализма, в котором всемогущая бюрократия будет безгранично господствовать над трудящимися. Всеобщее огосударствление производства, построенного на принципе «вся власть директору» (единоначалие), т. е. государственному агенту, и государственные «зерновые фабрики», на которых крестьяне обрабатывающие землю, будут превращены в наемных рабочих, подобно городским пролетариям, — вот те задачи, которые преследуют большевики и которым в течении 12 лет служит созданное ими государство.

Ни у одного сознательного рабочего не может быть теперь сомнения в том, что большевизм вместо обещанного социализма возвел здание своего господства, господства касты разночинных интеллигентов («просвещенных революционеров») над трудящимися. Он совершил чудовищный обман над трудящимися, использовав весь гигантский поток социальной революции в интересах своего партийного господства. И революционный пролетариат никогда не забудет этого преступления.

***

Противники и враги социальной революции, указывая на положение рабочих и крестьян в СССР, злорадствуют, говоря, что крах революции был неизбежен, ибо рабочие и крестьяне России не подготовлены к социализму. *Так* говорить, значит сознательно извращать историческую правду. В России произошло крушение не революции рабочих и крестьян, *а крушение государственнического метода в революции.* Как мы указали в начале статьи, рабочие и крестьяне одержали величайшую победу в борьбе с капиталистическим миром и заложили основы подлинно пролетарского свободного строя. Большевизм обманом и насилием пресек этот ход революции. Он подменил революцию властью и стал осуществлять свою узко кастовую программу приказами диктаторского центра. Его план привел к дымящимся развалинам революции, к новому рабству трудящихся. И этот принцип — принцип государственного руководства революцией — надо считать навсегда обанкротившимся. Социальная же революция только выиграет, освободившись от этого враждебного ей начала.

Рабочий класс России совершил совсем иную ошибку. В ответственнейший момент, когда победа склонилась на его сторону и когда надо было развить силу своей инициативы и творчества, он забыл великий лозунг рабочих мира о том, что «освобождение рабочих может быть делом рук только самих рабочих». Он поддался гипнозу партии, развивавшей перед ним идею новой власти, и позволил этой власти укрепиться. Тем самым дело своего освобождения он передал другому — партии и этим погубил себя. А когда увидел свою ошибку, было поздно: новое государство сковало его по рукам и ногам. Но — партии преходящи, рабочий же класс бессмертен. Совершенная им тяжелая ошибка послужит ему хорошим уроком на будущее. Когда подойдет час расплаты, перетряски и переделки рабской системы, он уже не позволит одурачить себя ни властникам в цилиндре, ни властникам в красном «пролетарском» плаще. Свято помня великий лозунг Первого Рабочего Интернационала «освобождение рабочих есть дело самих рабочих, он у себя на заводах и фабриках будет ковать новую жизнь, изгнав из своей среды всех политиканов с их планами «облагодетельствовать» трудящихся через государство.

П. Аршинов.

ФАШИЗМ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В АВСТРИИ

Общеизвестно, что с поднятием и расширением революционных движений среди рабочего класса социал-демократия отходит на задний план, как сила, противоречащая *революционным* устремлениям и *революционной* воле рабочих. Это особенно было видно в России, в революции 1917 г. Там, где, несмотря на под'ем рабочего движения, социал-демократия, в силу особо благоприятного для нее положения, продолжает оставаться активной силой, роль ее сводится к одергиванию этого движения, к толканию его вспять. Значение социал-демократии вновь возрастает, лишь только тогда, когда капитализм переходит в контр-атаку на революционные ряды рабочих и начинает праздновать свои победы. Так было и есть в Германии, Англии, Франции, Австрии и прочих странах стабилизованного и стабилизующегося капитализма. Всем памятно, как в 1918 г. немецкая социал-демократия разгромила рабочую революцию в Германии, как английская «рабочая» партия в 1926 г. подорвала всеобщую стачку английского пролетариата и как в 1927 г., в июне «могущественная» австрийская социал-демократия погасила подлинно могущественное революционное движение венского пролетариата, охватившего несколько сот тысяч фабричных рабочих. И всем так же памятно, как с ликвидацией *революционных* движений рабочих рост и значение социал-демократии в этих странах увеличились. Это закон — вместе со стабилизацией капитализма растет местная и международная социал-демократия.

Сейчас идет усиленное наступление реакционных сил капитала на рабочий класс Австрии. Оно и понятно· два с лишним года назад венский пролетариат своим неожиданным взрывом поставил под угрозу смертельной опасности всю капиталистическую систему в Австрии. В тот раз эта система была спасена «мудрой» социал-демократией. Отчасти своим влиянием, отчасти угрозами голода, безработицы и «интервенцией» реакционного крестьянства ей удалось погасить начавшееся, было, огромное революционное движение венских рабочих и тем спасти капиталистический режим и капиталистические классы от разгрома. Вполне естественно, что эти классы, счастливо избежав, благодаря соц.-демократии сокрушительного удара, спешат теперь застраховать себя от него на будущее. Лучшим средством для этого они считают нападение на рабочий класс, лишение его ряда политических прав.

Вновь сформировавшееся, явно фашистское правительство Шобера — недавнего полицейпрезидента, — внесло 19 октября законопроект об изменении конституции. Проект предусматривает: право президента назначать и смещать правительства. Право роспуска парламента; верховное командование президента над армией. Проект ограничивает право голоса рабочих (чтобы иметь право голоса, каждый рабочий должен прожить на одном месте не менее одного года); ограничивает неприкосновенность депутатов. *Суды присяжных отменяются.* Полиции предоставляется право издавать самостоятельные распоряжения. Об'явление осадного положения предоставляет полиции право закрывать типографии и конфисковать газеты. Военным комендантам предоставляется право самостоятельных военных выступлений в случаях «серьезной угрозы порядку».

Короче говоря, австрийская буржуазия стремится

ТРОЦКИЙ В ЭМИГРАЦИИ

(На много ли он отошел от Сталина и отошел ли?)

Как и можно было ожидать, будучи выброшен волею своего более счастливого соперника по власти, Сталина, в эмиграцию, Троцкий не остался пассивным наблюдателем, а отдался активной партийно политической деятельности, которую он начал еще в СССР в качестве вождя левой оппозиции. Помимо участия в лево оппозиционной прессе Германии и Франции, он приступил к изданию «Бюллетеня-Оппозиции» на русском языке. Вышло уже 5 номеров этого «Бюллетеня». Первые четыре номера посвящены отчасти истории высылки Троцкого из СССР, отчасти его расхождениям с аппаратом Сталина. Пятый номер весь посвящен полемике Троцкого с «ультра-левыми» оппозиционерами (Урбанс, Лузон). В нем он доказывает, что по ряду тактических вопросов эти оппозиционеры изменяют марксистским позициям, сползая на позиции мелко-буржуазных идеологов.

Троцкий прекрасный публицист и искусный полемист, и когда дело касается его личности, он правильно находит путь к справедливости. Но — поразительное дело — до какой степени он становится слеп и непонятлив, когда дело касается других лиц, хотя и не в меньшей степени революционеров, чем он. Так, например, защищая свои выступления в капиталистической прессе, он пишет в № 1-2 «Бюллетеня»: «В десятках миллионов экземпляров я рассказал всему миру, что меня изгнали не русские рабочие, не русские крестьяне, не советские красноармейцы, не те, с которыми мы завоевывали власть и сражались плечом к плечу на всех фронтах гражданской войны, — меня изгнали аппаратчики, прибравшие к своим рукам власть, превратившиеся в бюрократическую касту, которая связана круговой порукой».

Все это верно. Вполне согласимся в этом с Троцким. Но разве в практике «советской» власти бывало когда либо иначе в отношении революционеров? Разве, например, в 1921 г. группа анархистов в числе десяти, была изгнана из России заграницу рабочими и крестьянами России? Ничего подобного. Рабочие и крестьяне как раз возмущались таким обращением «советской» власти с анархистами. Их изгнали аппаратчики, узур-

установить фашистский режим в стране, путем концентрации всей власти в руках своих ставленников и путем упразднения политических прав рабочих.

Следовало бы ожидать, что австрийская социал-демократия, взявшая на себя два года назад ответственность за погашение революционного движения рабочих, в целях сохранения демократического режима, и на этот раз выступит столь же решительно в защиту того же режима. *На словах* она об'являет войну попыткам буржуазии установить фашистский режим. По заявлению Отто Бауэра, законопроект об изменении конституции равносилен об'явлению войны австрийскому пролетариату. Бауэр обещает, что социал-демократы «будут бороться до последних сил против осуществления фашистской диктатуры». *На деле же* австрийская социал-демократия, считающаяся самой революционной, самой умной социал-демократией Европы, держит курс на соглашение в духе фашизма. При этом, своему соглашению с врагом рабочих она находит основание... в своей демократической вере. На первом чтении фашистского законопроекта в парламенте социал-демократический представитель Реннер заявил, что «социал-демократия также за укрепление авторитета государственной власти и поэтому готова к соглашению... Социал демократия на протяжении всей истории своей борьбы защищала не только экономическое освобождение рабочего класса, но и политические права каждого отдельного лица, в том числе и противника». Сделав заявление нащет «священности» политических прав противника, т. е. классовых врагов рабочих и крестьян, Реннер затем свободно переходит к «выводу», что «социал-демократы готовы обсуждать вопрос об изменении конституции».

Центральный орган австрийской социал-демократии «Арбайтер Цайтунг» по этому же поводу пишет: «Конституция есть высший закон, направляющий совместную жизнь отдельных классов народа, — буржуа, крестьян и рабочих... Конституция либо будет изменена по соглашению между представителями буржуа, крестьян и рабочих, либо она совсем изменена не будет». В переводе на более понятный язык последняя фраза означает буквально следующее: конституция всегда выражает собою соглашательство «представителей» буржуа, крестьян и рабочих, следовательно, и изменена она должна быть на основе соглашательства между этими «представителями».

Так, с первых же шагов наступления австрийского фашизма социал-демократия уже подготовляет соглашение с ним. Предвидя это соглашение, социал-демократы заранее подыскивают ему демократические, тактические, стратегические и всякие иные основания. Абрамович пишет, например, что рабочий класс Австрии должен пойти на уступки во второстепенных вопросах, чтобы сохранить основное и важнейшее. Хотя в этой же самой статье тот же Абрамович пишет, что «все реформы, предполагаемые Шобером, являются изменением существующей коституции». («Соц. Вестник», № от 24 октября 1929 г.). А Потресов пишет, «что австрийская социал-демократия отлично понимает, что классовая борьба есть понятие более широкое, чем борьба при помощи одного лишь физического насилия, т. е. гражданской войны». («Дни», № 61).

Но ведь физическое насилие в данном случае проявляет не рабочий класс, а фашистская буржуазия над рабочим классом; ведь бывший министр народного просвещения Шмиц, он же пердставитель правого крыла христианско-социальной партии, отвечая в парламенте

патора революции, в числе которых одно из первых мест занимал тогда Троцкий и по инициативе которого анархисты были, под угрозой расстрела в случае возвращения, изгнаны из России. Троцкий должен прекрасно помнить, как делегаты французских, итальянских и испанских рабочих организаций, приехавшие в это время на первый конгресс Профинтерна в Москву, указывали «советской» власти на недопустимость арестов анархистов и содержания их в заключении. На эти указания совласть не обратила ни малейшего внимания и поступила по своему: часть анархистов выслала, часть расстреляла, а большую часть оставила в тюрьмах. Что это — акт рабочих и крестьян? Нет, это акт аппаратчиков. От того, что в тот момент в числе аппаратчиков находился Троцкий, акт этот был не более народным, чем акт Сталина, выславшего восем лет спустя Троцкого.

В № 5 «Бюллетеня» Троцкий полемизируя с Урбансом по вопросу о китайской революции, пишет: «Урбанс говорит, что в Китае победила буржуазная революция. Это есть точка зрения международной социал-демократии. В Китае победила не буржуазная *революция,* а буржуазная *контр-революция.* Это совсем не одно и то же. О разгроме рабочих и крестьян Урбанс говорит, как о внутренней подробности буржуазной революции».

Опять таки вполне согласимся и в данном вопросе с Троцким. Рабочие и крестьяне Китая вели напряженную революционную борьбу не затем, чтобы вознести и посадит себе на шею Чан-Кан-Ши, — ставленника китайской буржуазии — и впрячься в ярмо последней. Нет, они стремились, по примеру русских рабочих и крестьян, освободиться от гнета и эксплуатации своих буржуа и помещиков. И если их борьба не увенчалась успехом, если они оказались разбиты китайской буржуазией, то факт этот должно рассматривать не иначе, как торжество буржуазной контр-революции в Китае. Но подобный ход событий произошел и в русской революции, правда, в ином несколько масштабе и применительно к иным общественным группировкам. Большевики считают, что в русской революции победила их партия, которую они демагогически называют пролетарской партией и власть которой, еще более демагогически, называют властью рабочих и крестьян. Но ни для кого не секрет, что рабочие и крестьяне России стремились к строю, который ничего общего не имеет с режимом диктатуры касты большевиков.

Еще до октябрьского переворота они создали систему рабочих советов и фабрично заводских комите-

Раннеру, заявил, что государственный переворот, неизбежен, если изменение конституции не будет проведено безотлагательно. Как же в таких случаях социал-демократы решаются ответственность за насилие перелагать на рабочий класс?

Все разнообразные хитросплетения социал-демократии о необходимости для рабочих отказаться от революционной борьбы и пойти на уступки врагу прикрывают лишь ее трусость и беспомощность в моменты классовых столкновений. Будучи неспособной *на* революционную борьбу с врагом рабочего класса, она естественно избирает путь приспособления к этому врагу, путь соглашения с ним. Так она поступила в той же Австрии два года назад, когда в наступление пошел, было, рабочий класс. Она приложила все усилия к тому, чтобы ликвидировать это наступление «во имя классовых интересов рабочих», как она заявляла. Так она поступает и теперь, когда в наступление идет воинствующий фашизм буржуазии. Она безумно боится настоящей классовой битвы, в которой ей придется занять либо ту, либо иную позицию, и поэтому она прилагает все усилия к тому, чтобы рабочий класс не выступил с революционным отпором фашизму.

Возникает вопрос, — когда же, при каких условиях рабочий класс может вступить в революционную борьбу с наседающей буржуазией? Сам наступать он не смеет, ибо, по социал-демократии, наш век — не век социальной революции. Отвечать на нападение буржуазии своим нападением или хотя бы широкой революционной защитой он, по той же причине, также не может. Что же ему остается делать? Уступать, соглашаться, — такова мудрость, такова практическая программа социал-демократии.

Это ли не является показателем того, что международная социал-демократия есть партия упадка рабочего класса, что она живет и развивается за счет ослабления революционной мощи пролетариата и одновременно за счет укрепления, стабилизации капитализма? Но отсюда следует, что век ее — до первой серьезной революционной волны, до первой победы рабочего класса над капиталом.

М—ин.

ПРИНЦИП КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА

1. Развитие классовой борьбы ведет к образованию в среде угнетенного класса трех коллективов — сознательного меньшинства, активного меньшинства и большинства. Сознательное меньшинство руководит движением, активное меньшинство наносит удар враждебному классу и *совершает переворот*, а большинство *закрепляет* своим признанием его достижения.

2. Сознательное меньшинство является выразителем воли своего класса, организующим массы для борьбы за конечные цели движения. (Бакунин V том, 35 стр., четвертый абз., 37 стр., второй и третий абз. 38 стр., третий абзац1). Коллективом, выражающим классовую волю рабочих и крестьян, является совокупность федерацй и групп анархистов-коммунистов.

3. Активное меньшинство составляет та часть угнетенного класса, которая сплачивается в коллектив на почве повседневной борьбы за частичные улучшения. (Бакунин V том, 39-43 стр., 46 стр., с третьего обзаца и по второй абзац 47 стр., 50 стр. третий абзац2). Такой коллектив в наше время слагается из профессиональных союзов, крестьянских союзов, кооперативных, просветительных и спортивных организаций рабочих и крестьян

тов, которая, как новый тип свободного рабочего хозяйства, противопоставлялась капиталистическому типу хозяйства. Октябрьский переворот, по мнению широких рабочих масс, должен был закрепить этот тип свободного рабочего хозяйства и дать ему возможность дальнейшего развития и совершенствования. В действительности же вышло наоборот. Партия большевиков, эксплоатируя великие лозунги социальной революции в свою пользу, захватила власть и силою ее дала иное направление всему ходу русской революции.

Вместо свободного рабочего производства, руководимого органами рабочего самоуправления — экономическими советами и фабрично заводскими комитетами — она создала тип государственного производства, руководимого государственными чиновниками и построенного на бесконтрольной эксплуатации наемной рабочей силы Вместо системы политического равноправия всех трудящихся, она установила режим партийной диктатуры и режим террора в отношении всех, осмеливающихся иметь свое мнение и не согласных ни с хозяйственными планами большевиков, ни с их методами командования.

Что это? Победоносная революция русских рабочих и крестьян или контр-революция большевиков? Мы думаем, что среди рабочих немного найдется таких, которые бы не видели, что подлинная революция рабочих и крестьян России разбита контр-революцией большевиков. Эта контр-революция с самого начала утвердилась при помощи гнусного насилия над всеми революционными силами рабочих и крестьян и по настоящий день держится только *благодаря* этому насилию. В своем «Бюллетене» Троцкий живописно рассказывает, как это насилие было применено к нему и его сторонникам оппозиционерам. Он думает, что насилие ГПУ стало контр-революционным насилием только с того момента, когда оно обрушилось на его голову. На самом же деле оно являлось таковым с момента установления партийной диктатуры в революции, вернее диктатуры нескольких партийных главарей. С этого момента началась трагедия русской революции, искажение и удушение ее партийной кликой, т. е. партийной контр-революцией. Всего этого Троцкий не видит и не понимает. Ибо все это происходило, когда Троцкий подвизался «на верхах». Все это было где то далеко, не касалось его. По своей партийной узости он и по сию пору не видит или не желает видеть, что контр-революционное начало лежит в самом факте организации диктатуры политической партии над революционными классами рабочих и крестьян.

Это же обстоятельство заставляет Троцкого и в на-

4. Большинство каждого класса составляет инертная масса, признающая всякие новшества лишь тогда, когда она поставлена перед совершившимися фактами.

5. Показателем роста анархического движения служит количественный рост рядов анархизма (рост сознательного меньшинства за счет активного меньшинства), увеличение количества анархистов в выборных органах различных организаций активного меньшинства, рост активного меньшинства за счет большинства, повышение посещаемости проводимых анархистами собраний, принятие широкими массами лозунгов анархизма.

6. Опираясь целиком на деятельность активного меньшинства, анархисты отрицают парламентаризм и демократию, как представительство мнений инертного большинства. (Кропоткин «Речи бунтовщика» глава «Революционное правительство»). Вольные советы — органы рабоче-крестьянского парламентаризма — неприемлемы для анархизма, ибо являются представительством мнений инертного большинства. Вольные советы — основные ячейки трудовой республики с.-р. максималистов — прямая противоположность вольной коммуны, строящейся на *договорных началах* и представляющей своим членам *право выхода* с выделением в их пользу доли имущества.

7. Опираясь на теорию коллективного творчества (т. е. учение о взаимоотношениях сознательного меньшинства, активного меньшинства и массы), коммунистический анархизм считает средством строительства нового общества *пример* со стороны сознательного меньшинства и *материальную заинтересованность* в новых организациях со стороны активного меньшинства, противопоставляя их методам принуждения. Таким образом. коммунистический анархизм не признает никакого переходного строя, считая началом строительства нового общества момент экспроприации орудий и средств производства и организации показательных коммун.

8. Поскольку сознательное меньшинство состоит из лиц равноценных в смысле выражения ими классовой воли, а активное меньшинство состоит из лиц более или менее равноценных в смысле активности, анархисты считают, что в организациях сознательного меньшин ства и активного меньшинства организационные и так тические вопросы могут решаться по большинству голо сов.

9. Анархизм, опираясь в борьбе за осуществление своей программы на силу активного меньшинства, противопоставляет парламентаризму и демократии метод непосредственного действия рабочих и крестьянских масс

10. Организации активного меньшинства — синдикаты, кооперативы и др. — сами по себе не ведут к анархическим целям, но могут вести к таковым в том случае, если они проникнутся идеями сознательного меньшинства. Для превращения классовых беспартийных организаций в орудие анархизма, необходимо образование Партии Анархистов-Коммунистов, которая бы имела во всех беспартийных организациях рабочих и крестьян свои ячейки, борющиеся за идейное руководство массовым движением.

11. Партия Анархистов-Коммунистов должна представить собою обычную федерацию анархических групп, отличающуюся от остальных федераций большей идеологической цельностью (признанием философии действия Бакунина и экономического учения Кропоткина), большим единством действия и сознательным стремлением к руководству массовым движением в целях осуществления программы Анархического Коммунизма.

стоящий момент подходить с теми же лозунгами, с какими он подходил к ним 12 лет назад. Словно никаких перемен, никаких сдвигов и прозрений за эти годы не произошло. Были массы, были большевики, руководившие массами. Отношения между ними остались нетронутыми Вот только Сталин ведет государственную политику не совсем так, как ее вел бы Троцкий. А в основном все остается по старому.

Какое в настоящее время в России государство — пролетарское или буржуазное? Урбанс доказывает, что буржуазное. Троцкий, возражая ему, утверждает, что пролетарское. «Сталинский центризм, говорит он, представляет все же пролетарский, а не империалистский режим. Это не разница «в степени», это разница двух классовых режимов». (Бюллетень», № 5).

То, что в этом государстве производители — крестьяне и рабочие — никакого голоса не имеют, но зато полнотой голоса и полнотой кулака пользуются политические пройдохи (главари политической партии ВКП); или то, что рабочий за свой каторжный труд получает в «пролетарском» государстве в 10 и в 20 раз меньше партийных чиновников, всякого рода спецов, артистов, художников, писателей и т. д.; или, наконец то, что инвалиды рабочие и работницы получают пособия по 20 25 руб. в месяц, в то время, как партийным чиновникам, советским артистам, писателям или просто их женам «пенсия» сплошь и рядом назначается в размере 225 рублей в месяц, — все это Троцкий, очевидно, считает «мелочью», не могущей опровергнуть пролетарский характер большевистского государства.

Замечательно рассуждение Троцкого *о свободе союзов* для рабочих в СССР. Немецкие ультра-левые во главе с Урбансом говорят, что пролетариат СССР должен завоевать себе свободу союзов. (И совершенно правильно говорят, ибо у рабочих СССР, с момента воцарения большевистской диктатуры, право свободы союзов отнято властью).

Троцкий смеется над этим жизненным требованием рабочих. Он рассуждает следующим образом:

«Что профессиональные организации должны иметь возможность отстаивать интересы рабочих против возрастающих извращений режима диктатуры, на этот вопрос оппозиция давно ответила и словом и делом. Но нужно отдать себе ясный отчет о целях и методах борьбы против центристской бюрократии. Дело идет не о завоевании «свободы коалиций» против классово-враждебного государства, а о борьбе за такой режим, при котором профессиональные

12. Партия Анархистов-Коммунистов не претендует ни на монопольное представительство анархизма, ни на монопольное руководство анархическим движением. Она выступает от имени только примыкающих к ней групп и вступает в соглашения со стоящими вне ее федерациями по тем частным вопросам, по которым между ними не окажется разногласий3).

W.

Примечания.

1) Кропоткин — «Речи бунтовщика» 90 стр., первый и третий абз, 98 стр. первый абзац.

2) Кропоткин — «Речи бунтовщика» 255 стр. первый абзац. 257 стр. второй абз.

3) Такова была практика Итальянской Федерации Революционной Партии Анархистов-Социалистов и Итальянского Союза Анархистов, являвшихся прототипом Партии А.-К

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА

(Продолжение).

Анархо-синдикальное (профсоюзное) рабочее движене исторически сложилось, окрепло и развивается в борьбе против парламентаризма, реформизма, а в последнее время и против большевизма в рабочей среде под непосредственным идейным влиянием рабочего анархического коммунизма. Как рабочее движение, находящееся под влиянием социал-демократии, мы называем реформистским, желтым синдикализмом, как рабочее движение, находящееся под влиянием большевизма, мы называем красным, большевистским, так и рабочее движение организовано ведущее свою экономическую борьбу под знаменем революционного анархизма, мы по справедливости должны назвать анархическим синдикализмом в отличие от *идейнаго* течения синдикалистского анархо-коммунизма, неправильно называемого тоже анархо-синдикализмом. Повидимому из-за его слишком полного «растворения» в синдикальном движении рабочего класса. В данном случае при анализе внутри-партийного положения мы говорим не о синдикальном движении вообще и даже не об анархическом синдикализме, в смысле анархизированного профдвижения, а нас интересует, главным образом, так наз. анархо-синдикализм или вернее синдикальный анархо-коммунизм, как определенное идейное и практическое течение в наших рядах.

Что же представляет собой этот последний? Анархо-синдикалисты это — носители идей анархо-коммунизма в рабочем движении. Это — массовое крыло анархо-коммунизма, его агентура в рабочей среде. Выражаясь модным теперь партийным языком, анархо-синдикализм это — фракция анархо-коммунизма в профессиональном движении, на профсоюзной работе. Но, фракция, плохо организованная; большей частью без перспектив общего пути борьбы, без правильного понимания и учета всей совокупности социально-политических задач в борьбе за новое общество, без правильного понимания своей собственной роли в этом процессе. Это — неорганизованная агентура или профсоюзная фракция анархо-коммунизма несколько оторвавшаяся от его генеральной линии, без нужной идейно-организационной базы. Анархо-синдикалисты не дурно выполняют в духе анархизма большую нужную работу «малых дел» в рабочем движении, но не совсем умеют эту работу увязывать с «большим делом» пролетарской революции, больших классовых битв за свержение буржуазии, за коммунизм. Если сектантски-групповое течение в анар-

---

союзы пользуются — в **рамках диктатуры** — необходимой свободой, чтобы словом и делом поправлять свое собственное государство. Другими словами, речь идет о той «свободе», которую, например, могущественные об'единения промышленников и аграриев имеют по отношению к своему капиталистическому государству, на которое они нажимают изо всех сил, и как известно, не без успеха; но отнюдь не о той «свободе», которую имеют или стремятся иметь пролетарские организации по отношению к буржуазному государству. А это совсем не одно и тоже!».

Приведенным нами длинным и путанным рассуждением Троцкий пытается доказать, что каждый класс по отношению к своему государству имеет свободу союзов вполне ограниченную: он пользуется союзами только для поправления своего государства. В доказательство он ссылается на союзы промышленников и аграриев, которые нажимают на свое государство, поправляют его, но не борются с ним. Точно также и рабочий класс в СССР союзами должен пользоваться в целях улучшения своего пролетарского государства, а не в целях борьбы с ним. Отсюда Троцкий делает вывод, что в капиталистических странах, где рабочий класс находится в рамках враждебного государства, рабочим нужна свобода союзов. В советской же России, где вместо буржуазного пролетарское государство, подобной свободы союзов рабочим не нужно.

«Свобода коалиций (союзов) немыслима без свободы собраний, свободы печати и всех прочих «свобод». А эти свободы немыслимы вне режима демократии, т. е. вне капитализма». («Бюл.», № 5).

Троцкий хочет показать, что те, кто заботятся о свободе союзов для рабочих, тем самым заботятся о буржуазной демократии, о капитализме. На этот грубый софизм Троцкого каждый рабочий может ответить выводом, который вытекает из слов самого же Троцкого: далеко же вы плететесь в хвосте буржуазии, если за правом рабочих на свободное об'единение, которое они добились *вековой борьбой* с капиталом, вы отсылаете их к капиталистической буржуазии.

По Троцкому выходит так: раз рабочие свергли капиталистический режим и установили строй освобожденного труда, то они немедленно должны лишить себя свободы союзов, свободы собраний, печати и прочих свобод. Вряд ли хоть один рабочий добровольно согласится на это. Это идеал большевистских держиморд, но ни коим образом не рабочих.

Все «диалектическое» построение Троцкого о рабо-

хо-коммунизме понимало необходимость некоторой организации своих собственных сил в особые, идейно-пропагандистские группы, понимало необходимость сохранения своего собственного лица и даже некоторого идейного, правда, весьма своеобразного, руководства массами, — хотя никогда правильно не понимала характера сущности этого руководства и неспособно было, как следует организовать свои собственные ряды и это самое руководство — то анархо-синдикалисты не видели необходимости в особой организации своих сил идейного меньшинства вне классовых синдикальных об'единений рабочего класса. Считали такую особую идейно политическую организацию своих сил вредным, опасным, ненужным делом. Выступая огульно против всякой «партийности», не критически воспринимая это понятие, анархо-синдикалисты впадали в противоречие с самими собою. Они не хотели понять того простого и очевидного факта, что обслуживая идейно-организационно рабочее движение, стремясь на него влиять и им руководить, они на деле также являлись особой идейно-политической партийной группировкой, но только чрезвычайно неорганизованной и безхребетной. Анархо-синдикализм шел в рабочее движение не стройной организованной колонной, с единой твердой линией, с собственным ярко-выраженным идейным лицом. Нет. Это была неорганизованная, кустарническая работа группками и в одиночку, без крепкой идейно-организационной базы, без нужных «резервов», без должной вязки этой работы с общими задачами революционной борьбы трудящихся, без единого идейного руководства и согласованности. Анархо-синдикалисты не только сливались с массами, — это бы совсем не плохо, ибо можно и должно уметь сливаться с массой в ее борьбе за повседневные нужды, не теряя своей линии, своего лица, — но они целиком, «без остатка» растворялись в рабочем движении, что уже много хуже, частенько теряя свое собственное идейное лицо, забывая о нем. Они не способны были выполнять роль цементирующего сплачивающего, руководящего, идейно-организующего костяка в рабочем движении. И поэтому, как только намечались в синдикальном движении рабочего класса какие-либо сдвиги, повороты или делались попытки какой-либо партии подчинить его своему влиянию, анархо-синдикалисты очень быстро оказывались за бортом движения, в положении обороняющихся (и весьма плохо) или, что еще хуже, впадали в хвостизм. Неорганизованность, безперспективность и некоторая тред'юнионистская узость анархо-синдикализма; отсутствие в нем нужных наступательных сил и здоровой, деятельной «экспансии» внутри рабочего движения, обрекали его на бессилие. Все эти «качества» несомненно являлись главнейшими причинами того, что анархо-синдикализм, — некогда блиставший в ряде стран бесспорным преобладанием в рабочем движении, — так быстро и легко был расколочен, вытеснен реформизмом и большевизмом. Над этими уроками, над этими историческими затрещинами стоит призадуматься. Эта цеховая тред'юнионистская установка, непонимание своей роли и задач, плохо понятая анти-партийность и политичность, — имея некоторые здоровые исторические корни в глубоком отвращении к опортунистическому делячеству и партийно-парламентскому политиканству — с другой стороны является также острой реакцией на некоторые сектантски-бунтарские перегибы и крайности так называемого анархо-коммунистического движения. Если анти-синдикальный, сектантский анархо-коммунизм страдал проповедническим бунтарским понимаем

чих союзах есть очевидный софизм человека, которому нечего сказать, кроме неправды, но который хотел бы эту неправду выдать за правду.

Во-первых, откуда следует, что СССР — пролетарское государство. Вот Урбанс — марксист и ленинист — не верит этому, утверждая, что там типичное буржуазное государство. Мы, анархисты, говорим, что пролетарского государства вообще быть не может. Ибо всякое государство есть организованное насилие ничтожного меньшинства над огромным большинством производителей. Идеалом же пролетариата является товарищеское сотрудничество работников на основе равенства. А это достижимо в трудовых коммунах, в свободных союзах, в кооперации, но ни коим образом не в государстве, где все построено на подчинении и иерархических началах и где всем двигает профессиональная группа властников, бюрократов и полицейских. 12 лет существования большевистского государства даже наиболее тупоголовым доказали, что так наз. «диктатура пролетариата» есть лишь вывеска, за которой скрывается диктатура двух-трех политических пройдох.

Это государство партийной касты иезуитов, которая не связана с трудящимися ни экономически (производственно), ни идеологически, а живет интересами своей собственной партийной церкви и держится на всеобщем насилии. Ленинизм давно стал мистикой, а наследники его, нынешние жрецы — Сталины, Тропкие, Бухарины и все остальные — ничего более в голове не имеют, кроме мистического поклонения перед всем, сказанным когда либо Лениным.

Далее, неправ Троцкий, говоря, что капиталистические об'единения только давят на свои государства. Не редки случаи в истории буржуазных демократий, когда капиталистическое об'единение не только давят, но отставляют неугодные им, не государства, а правительства и заменяют новыми. Пусть попробует рабочий класс СССР отставить правительство Сталина, — он немедленно испытает на себе пулеметы «войск особого назначения». Троцкий не может не помнить, как в 1921 г. он сам во главе таких войск ходил расстреливать *рабочий и солдатский Кронштадт*. А ведь там вопрос всего на всего шел о предоставлении рабочим права свободно высказывать свои мнения, о свободном избрании рабочих и крестьянских советов, о праве легального существования левых революционных партий. Как видим, все это справедливо, элементарно для всякого честного революционера, и все это еще далеко до требования отставки большевистской власти. А как эта власть жестоко рас-

революционной борьбы и самой революции. Если это течение, — несколько идеалистически преувеличивая роль инициативного меньшинства, чрезмерно увлекаясь смелыми групповыми и индивидуальными актами «героического самопожертвования» и прочее и прочее, — предавало забвению, «ультра левому» пренебрежению задачи организации широких трудовых масс и участия в их борьбе за частичные требования и нужды. Если анархо-коммунисты перепрыгивая, на основе одной только проповеди и безпочвенного бунтарства, нетерпеливо рвались к целям, — то анархо-синдикализм, как бы в «отместку» совершенно не признавал, вернее не понимал, роли идейно руководящего меньшинства и необходимости его организации, сводил на нет, так сказать, ликвидировал эту проблему. С головой погружался в повседневную практическую борьбу рабочего движения, что разумеется, не так плохо. Но погружался так, что не видел и не хотел видеть других сторон и форм революционной борьбы трудящихся за свое освобождение. В своем цеховом ослеплении не видел других сторон социальной проблемы, кроме рабоче-индустриальной; опирался на односторонне-ограниченный классовый базис, игнорируя другие социально-классовые отряды (крестьянство и др.) единого революционного фронта труда. Стремясь к безклассовому обществу, переходу средств производства в руки самоуправляющихся трудящихся, стремясь к анархическому коммунизму, — анархо-синдикализм в своих построительных и тактических задачах интересовался только одной, правда, главнейшей, стороной этой проблемы. Ограничивая себя, он никогда не способен был подняться на должную высоту в понимании всей совокупности социально-политических задач, стоящих перед пролетарской революции и ее носителем — рабочим классом. Не понимая общественно-политическую организационную руководящую роль пролетариата по отношению к другим социальным группировкам. Одним словом, анархо-синдикализм пытался решить, если так можно выразиться, только одну, — индустриальную — сторону проблемы революционной борьбы трудящихся за свое освобождение и за полное переустройство общества без должной связи ее с другими сторонами этой задачи. Не понимая этой связи всего общественно-экономического процесса в целом, страдая отсутствием горизонтов. Можно сказать, разсматривая только один «рабочий вопрос» в узком смысле слова, да к тому же еще изолировано от всех других сторон социально-политической борьбы трудящихся. Во всем этом сказывалось его цеховая закваска, его цеховая призма, через которую он разсматривал все вопросы революции и рабочего движения. Вот почему, когда дело доходило до широких классовых битв, неукладывавшихся в узкие рамки одного класса или одной только экономической борьбы синдикальных организаций, а приобретавших исторически-поворотную, социально-политическую значимость, перераставших в высшие этапы революционной борьбы трудящихся, — анархо-синдикализм неизменно оказывался банкротом, терял руководство событиями. Анархо-синдикализм в некоторых странах имел за собой массовую, недурно организованную боеспособную армию труда. Он не плохо руководил экономической борьбой трудящихся, весьма недурно организовывал прямое внепарламентское действие (правда, сужая, ограничивая сферу этого «пря-

---

правилась с революционным Кронштадтом за его скромные требования. Точь в точь, как Тьер и Галифе с участники Парижской Коммуны. Можно себе представить, какую лютость и жестокость проявят святые отцы большевистской церкви, если рабочие массы попросят их уйти. Вот тебе и «пролетарское» государство. Вот и «исправляй» его, и оказывай на него «давление». Нет никакого сомнения в том, что когда рабочие и крестьяне в массе усвоят подлинную природу этого государства, они «исправят» его точно таким же порядком, каким исправили государство Романовых, а немного позже — государство Милюковых, Керенских и Черновых.

Как видим, Троцкий не только остался тем же большевиком-якобинцем, каким был, он в такой же степени сталинец, как и сам Сталин. «Пролетарский» режим он не может представить себе иначе, как в формах типичного большевистского держимордия и полного удушения духа трудовых масс. Вполне естественно, что в борьбе за власть он стремится опереться не на широкие рабочие массы, а на внутри-партийные силы, стоящие у рычагов государственного аппарата. Он прямо так и заявляет: «политика оппозиции есть политика *реформы*, а *не революции*». («Бюл.», № 5, подчеркнуто у Троцкого). Он прекрасно понимает, что его спор со Сталиным за «выпрямление» государственной линии ничего, абсолютно ничего не дает рабочим массам, которые давно убедились в том, что как эту линию не выпрямляй, она все равно всей своей тяжестью обрушится на их спины. Троцкий, поэтому, много говорит о внутри партийном режиме, о внутрипартийной демократии, но совсем не говорит о правах трудовых масс, чудовищно нарушенных партией. Больше того — он и теперь оправдывает бесправие масс, бесправие их экономических союзов, установленное произволом компартии, насилие над революционной мыслью пролетариата в лице его левого, — анархического — фланга.

При наличии такого стопроцентного сталинизма, право, не стоило ехать заграницу в качестве гонимого эмигранта.

Впрочем, весь пятый номер «Бюллетеня» Троцкого написан в тонах подлаживания под сталинскую диктатуру, подпевания ее основной политике. Подобно большинству троцкистов, давно «покаявшихся» и вернувшихся в ВКП, Троцкий понимает, что у него имеются значительно большие «расхождения» с рабоче-крестьянской массой, скованной цепями сталинского аппарата, нежели с этим аппаратом. И поэтому вероятнее всего, что он в той или иной форме, под тем или иным предлогом возвратится в ВКП и займет в сталинском аппарате привычное для себя место могильщика социальной революции рабочих и крестьян. Поживем — увидим.

П. А.

мого действия») трудящихся, вырывая у буржуазии частичные экономические и политические уступки, одерживая некоторые победы. Но, никогда, как следует, он не мог вести эту армию к широким социально-политическим битвам. В этом смысле ан. с-м представлял собою идеологию своеобразного революционного тред'юнионизма. Обслуживая, (правда, весьма неорганизованно) идейно-организационную сторону классовой борьбы трудящихся за улучшение своей жизни, анархо-синдикализм никогда не способен был подняться на должную высоту в деле идейно-политического руководства всем революционным анти-капиталистическим фронтом борющегося труда. Он все же только оставался «фракцией» на профсоюзной работе. Не способен был обслуживать руководить широкими классовыми битвами штурма капитализма, социально-политического переворота за полное переустройство общества. Анархо-синдикализм как то обходил все эти вопросы и задачи, не видел их, жмурил перед ними свои глаза, так сказать, теоретически и особенно практически (весьма непозволительно) «абстрагировался» от них.

Андрей Бородин.

(Продолжение следует).

КАК БОЛЬШЕВИКИ РАЗРЕШАЮТ ХЛЕБНЫЙ ВОПРОС

(О хлебозаготовках)

В этом году заготовка хлеба советской властью прошла с особенной нездоровой лихорадочной поспешностью. «Правда» ежедневно била в набат, грозя нанести «сокрушительный удар кулаку, зажимающему хлеб», грозя «оргвыводами» тем деревенским ячейкам, которые сами скрывали хлеб, обещая, наконец, сломать упорство бюрократов, все время почему то ставивших шпицы в колеса советской заготовительной машины.

Итак, кулаки, бюрократы и деревенские коммунисты создали единый фронт против советской власти, сплотились в борьбе, целью которой было разрушить все планы советского центра и оставить города без хлеба.

По «другую сторону баррикады» стояли, если судить по советским газетам, бедняки, середняки и, наконец, рабочие бригады, командированные на хлебозаготовки из городов.

Но искреннее участие бедняков и середняков в деле хлебозаготовок все же находится под вопросом. Нет конечно, никакого сомнения, что бедняки при других условиях ничего не имели бы против из'ятия излишков у кулаков, которых развелось по советским весям великое множество. Никто также не сомневается в том, что бедняки эксплоатируются и притом самым жестоким образом, кулаками. Но дело еще в том, что, благодаря советской политике в деревне, кулак не только эксплоататор, но и «благодетель» бедняка. Когда весной у бедняка кончается свой хлеб, это — деревенский богатей ссужает ему нужный хлеб, чтобы дотянуть до осени. Конечно, это делается далеко не безвозмездно и является одной из форм эксплоатации бедняков кулаками. Но что сделал бы бедняк, если бы деревенский капиталист не ссудил его во время хлебом? Советская власть, занятая более высокими материями, о нем не заботится. Остаются рабочие бригады. Посланные в деревни индустриальные рабочие отлично понимают, что дело идет о том, жить или не жить городу. При нынешнемъ положении дел, при товарном голоде деревни, при низких ценах хлебозаготовителей, деревня добровольно хлеба не даст, и приходится употреблять силу, чтобы заставить крестьян хлеб отпускать. В этом отношении рабочие бригады помогают советской власти, не из корысти, а «спасая живот» всего городского населения.

Получается парадокс. В рабоче-крестьянской стране хлебозаготовки обращаются в гражданскую войну, где коммунистическая власть, поддерживаемая рабочими, которым грозит голодная смерть в городе, ведет борьбу со всеми слоями деревни, вплоть до коммунистических деревенских ячеек, сплотившихся в единую группу, чтобы только не давать хлеба коммунистам.

С точки зрения социализма вред получается колоссальный. Не только гибнет смычка деревни с городом, но крестьяне начинают смотреть на социализм, как на способ их эксплоатирования в пользу города и рабочих. Вместо смычки—злобная ненависть растущая в одних трудящихся классах против других, превращение крестьянских масс в один из факторов контр-революции, в союзников господ Керенских и Милюковых. Советская политика в деревне уничтожает те корни социализма, которые там имеются, и готовит своими руками гробовщиков революции. Она сама старается превратить крестьянское население России в оплот реакции, какими уже являются крестьяне западно-европейских стран.

Анархистам следует больше всего вести резкую борьбу с советской политикой в деревне. Ибо они верят, что в русских деревнях был и существует еще очаг революции и социализма. Сталин, именем социализма, толкающий трудящиеся классы на путь реакции, приносит страшный удар именно нам и льет воду на мельницу всей контр-революции. Политика насилия не может быть применима в деревне. Если насилие оправдывается по отношению к городским эксплоататорам, то в настоящих условиях эта политика губительна по отношению к сельскому населению. Кулаков, на что своевременно указывало «Д. Тр.», развели в России большевики. Кулаки были нужны Сталину какъ производители товарного хлеба, для вывоза заграницу. Ведя политику под'ема сильных хозяйствъ, большевики тем самым закабалили маломощные хозяйства этим кулакам. Бедняк попал в сети богатею и зависит во всем от него. Но большевики ошиблись в своих рассчетах, думая, что кулаки будут давать им хлеб ради их прекрасных глаз. Не имея возможности дать в обмен кулаку то, что тот требовал за свой хлеб, большевики думали голым насилием у него этот хлеб вырвать. Но тут они вступили в конфликт не только с кулаками, но со всей деревней, для которой раззорение кулака означало лишение той помощи, к которой они вынуждены были обратиться из-за преступной политики большевиков. Опять получился парадокс, являющийся часто следствием советской политики: эксплоатируемые бедняки стали в защиту сво-

их эксплоататоров, ибо в помощь советской власти им, они больше не верят.

Пока сила осталась за большевиками. Хлебозаготовки прошли. Советская юстиция, получив строгий приказ применить классовую политику, аккуратно расстреливала, попадавших в ея руки крестьян. А Сталин круто переменил фронт. Раз кулаки не поняли своей выгоды от сотрудничания с советской властью, разрешавшей ей втихомолку эксплоатировать бедняцкие массы, значит обойдемся без них, будем сами эксплоатировать бедняков. Отсюда создалась эта, столь вредная для истинной социализации деревни, скороспелая теория коллективизации, которая в сущности является системой эксплоатации бедняков самой советской властью. Большевики раньше предали кулакам бедняков, теперь они сами взялись сдирать с них семь шкур. Чем кончится эта новая попытка большевиков, покажет ближайшее будущее. Одно ясно: системой насилия и эксплоатации социализма им в деревне не построить. Система барщины — не есть путь освобождения трудящихся масс деревни. И большевикам, все время на насилии строящих свою аграрную политику, придется расплачиваться за свои грехи. Страшно только то, что своей политикой они губят великую идею социализма в деревне, и делают из трудящихся масс деревни невольных помощников реакции.

Я. Линскій.

САККО-ВАНЦЕТТИ И БОЛЬШЕВИКИ

В № 28 «Нового Мира» некто Ф. Г. сделал запрос: «Я нахожу почти в каждом номер «Н. М.» великие имена Сакко и Ванцетти, но не говорится, были ли они анархистами, или же нашими товарищами-большевиками. Однажды я читал в «Р.» про этих мучеников и «Р.» называет их анархистами, и даже писалось, что последние их слова были: «Да здравствует анархия». Но я сомневаюсь и не верю «Р.», что они были анархистами, потому что наша рабочая газета «Н. М.» всех анархистов называет врагами рабочих... Прошу раз'яснить мне, — кто были Сакко и Ванцетти — большевики или анархисты?».

Редакция «Н. М.» в своем ответе решила одним камнем убить двух птиц. Отвѣчает она так: «Сакко и Ванцетти были анархистами. И в то же время, хотя учение, которого они придерживались, было ошибочно, они были честными и доблестными рабочими борцами. Поэтому весь революционный класс чтит их память, как мучеников за рабочее дело. «Новый Мир» никогда не называл всех анархистов врагами рабочих. Это было бы не верно. Среди анархистов есть рабочие, придерживающиеся этого учения в убеждении, что оно ведет к освобождению рабочего класса от капиталистического ига. Это в высшей степени вредное заблуждение, весьма часто приводящее к тому, что такой рабочий, желая способствовать освобождению рабочего класса, на деле помогает врагам рабочего класса укрепить цепи капиталистического рабства, и тогда он об'ективно является врагом рабочего класса. Однако, возможно также, что рабочий, придерживающийся ошибочного учения, по классовому инстинкту становится во всяком столкновении с капиталом на сторону рабочих, борется плечом к плечу с рабочими — революционерами — большевиками. Такими именно честными, боевыми, хотя и заблуждающимися в своих теоретических взглядах, рабочими были Сакко и Ванцетти.

Мы можем с уверенностью сказать, что если бы руководимая коммунистической партией борьба за освобождение Сакко и Ванцетти из рук палачей увенчалась успехом, то эти рабочие борцы раньше или позже стали бы большевиками, как стали многие бывшие анархисты... Греческое слово анархия означает по-русски безвластие... Таким безвластным, свободным обществом трудящихся и будет коммунистический строй, который будет осуществлен рабочим классом под руководством всемирной коммунистической партии — Коммунистического Интернационала...».

В СССР компартия у власти, она не церемонится ни с кем и во имя своей диктатуры всех подчинила своему произволу. Но здесь большевистская диктатура никому не страшна, поэтому ее агенты пока умственно калечат рабочих. На страницах вульгарного листка «Н. М.» они заявляют, что не называют всех анархистов врагами рабочих, однако, все большевистские тюрьмы переполнены анархистами и социалистами. Большинство старых анархистов-революционеров растреляны большевистскими палачами. Остальные гниют в «коммунистических» тюрьмах. Но «Новый Мир» об этом старательно умалчивает.

Сакко и Ванцетти вели борьбу со всеми угнетателями и паразитами возглавляемыми правителями. Они вели борьбу как с буржуазным государством, так и с кремлевской диктатурой над рабочими и крестьянами. Не верили они также в такое «безвластническое свободное» общество, которым будет руководить коммунистический Интернационал, ибо «руководство» коминтерна, есть власть и насилие над трудящимися. Сакко и Ванцетти никогда не были большевиками не могли ими быть. Ни одна буржуазная газета не утаила последних слов Сакко и Ванцетти. — «Да здравствует анархия», — а большевистская печать перед рабочим классом эти слова утаила. Если, как говорит «Новый Мир», анархисты по своему убеждению стараются способствовать освобождению рабочего класса, а на деле помогают врагам его, то за что же буржуазия убила Сакко и Ванцетти? Рассуждать могут так только сознательные обманщики рабочих. Большевики нисколько не заботились об освобождении Сакко и Ванцетти из рук палачей. Таких, как Сакко и Ванцетти, сотни и тысячи погибли от рук красных палачей в СССР. Сакко и Ванцетти за свою анархическую идею поплатились жизнью, такая же участь постигла молодого теоретика Ассоциационного анархизма Льва Черного. Лев Черный убит красными чекистами 27 сентября 1921 г. такими же чекистами, как Фуллер, Тэер и др. И совправительства назвало его бандитом, как буржуазное правительство об'явило Сакко и Ванцетти бандитами. Быть может интересующемуся знать, кто были Сакко и Ванцетти, памятна демонстрация безработных в Чикаго в январе 1915 г., в которой шла Фаня Барон в первых рядах и была избита с остальными манифестантами американской жандармерией. Много раз была арестована американским правительством за пропаганду революции. Возвратясь в 17 г. в Россию, она в 21 году уже была расстреленя московской Чекой. Прислужники Чеки из «Нового Мира» такие факты скрывают от рабочей массы.

Именами Сакко и Ванцетти большевики старались под-

крепить, подчистить свою власть, так как масса от спрутской физиономии большевизма отворотилась. Под именами этих двух мучеников, но в свою пользу большевики устраивали открытые массмитинги перед выборами президента и вели агитацию за кандидата компартии в президенты. Устраивали разные предприятия и массмитинги и собирали крупные суммы денег на защиту Сакко и Ванцетти, но никто и по сей день не знает, на что эти деньги израсходованы.

5-6 лет ранее большевики и слова не уронили в защиту Сакко и Ванцетти, а лишь последний год перед казнью, когда увидели, что смогут на казнях этих великих пролетариев-анархистов нажить политический капитал.

Когда компартия пыталась, было, взять в свои руки дело Сакко и Ванцетти и подсылала своих агентов к Ванцетти с целью склонить его к большевизму и чтобы он поручил вести это дело компартии, то Ванцетти не согласился. Он не пожелал, чтобы красные палачи спасали его жизнь из рук буржуазных палачей. Но господа из «Нов. Мира» забыли про это и заявляют в печати, что если бы компартией была спасена жизнь Сакко и Ванцетти, то они стали бы большевиками.

Интересно, какой бы ответ дал своим читателям «Н. М.», если бы у него спросили: почему совправительство не разрешило организовать анархистам протест-митинг перед казнью Сакко и Ванцетти в Москве и в других городах и почему оно арестовало анархистов, организовавших устройство митинга в защиту Сакко и Ванцетти.

Если бы Сакко и Ванцетти были в СССР ,их постигла бы та же самая участь, что и в буржуазной Америке.

Компартия играла на чувствах русских рабочих, но не долго это удавалось. Теперь русская секция американской компартии открыто выступает в роли Азефа: ведет провокаторскую работу в среде русской колонии в Америке против анархистов. А поэтому рабочие должны дать достойный отпор компартийному спруту. Если не будут отсечены все присоски у этого чудовища, то у многих и многих рабочих будет высосана кровь чекистами.

Нью-Иоркъ. **К. Зел—юк.**

О РЕЗОЛЮЦИЯХ ДЕТРОЙТСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Ответ и раз'яснения Прогрессивного Клуба г. Чикаго).

В июньском номере «Голоса Труда» Профсоюз гор. Детройта опубликовал «решения конференции а.-к., состоявшейся 2-3 февраля с. г. в городе Детройте». Прогрессивный Клуб гор. Чикаго, принимая во внимание заявление своего делегата, что эти решения являются не решениями конференции, а решениями *только Профсоюза гор. Детройта,* решил высказаться на страницах печати как о самих решениях и конференции, так и о Профсоюзе.

В октябре 28-го года Профсоюз гор. Детройта разослал письмо организациям, группам и отдельным т-ам. В письме говорилось: с тех пор, как мы в Америке остались без своего печатного органа «Волны», наша работа и пропаганда анархической печати, наши старые т-щи очень часто, сами того не замечая, заблуждаются..., а потому мы стремимся во что бы то ни стало издать свой орган. Орган, который стоял бы на страже рабочих интересов и в тоже время сохранял бы чистоту анархических идей. «В заключении Профсоюз предлагал созвать конференцию, «на которой было бы положено начало намеченной нами работы».

Вполне соглашаясь с высказанной Профсоюзом точкой зрения на положение вещей и разделяя его убеждение, что «потребность в таком органе наблюдается во всех уголках Соединенных Штатов и Канады». Прогрессивный Клуб решил принять участие в созываемой Профсоюзом конференции. На собрании Клуба, одновременно с обсуждением вопроса о конференции, возник вопрос и о самом Профсоюзе, как рассветовской организации. Вопрос этот поднялся потому, что за две недели до получения циркулярного письма, Клуб получил письмо от того же союза, в котором последний уведомлял, что они, «детройтцы, взяли на себя миссию по продаже акции»... Все это давало повод думать, что Профсоюз, беря инициативу по созыву конференции, садится не в свои сани. В самом деле, было трудно верить в искренность Профсоюза, который, уведомлял Клуб о своих заботах о газете «Рассвет», через две недели предлагает созыв конференции и мотивирует это тем, что в Америке нет такого печатного органа, который стоял бы на страже рабочих интересов. У членов Клуба возникли недоуменные вопросы: Если нет такого органа, который стоял бы на страже рабочих интересов, то почему Профсоюз заботится о «Рассвете»? Если «Рассвет» является таким органом, то зачем же Профсоюз созывает конференцию?

После долгих дебатов, Клуб, принимая во внимание точку зрения циркулярного письма Профсоюза, склонился к той мысли, что Профсоюз, повидимому, решил впредь с «Рассветом» ничего общего не иметь. Во всяком случае, делегату Клуб поручил выяснить на конференции взаимоотношения Профсоюза с «Рассветом». Когда от Профсоюза получился порядок дня конференции, Клуб пришел в недоумение: приглашаются группы и организации, входящие в состав Федер. А.-К. Сев. Америки, сама же Федер. не приглашается. В чем дело? Считая этот шаг Профсоюза неправильным, Клуб, тем не менее, не отменил своего решения о посылке делегата на конференцию, но постановил, чтобы делегат настаивал на совещательном характере конференции на том основании, что на нее приглашены не все русские анархические организации Сев. Америки.

Когда делегат Клуба прибыл с конференции и сделал доклад, то было решено общие дебаты по докладу отложить до получения резолюций конференции.

Когда же резолюции были получены и продебатированы, Клуб вынес постановление ответить Профсоюзу, что Прогрессивный Клуб гор. Чикаго не будет принимать участие в издании журнала, а равно и во всей остальной начатой Профсоюзом работе, потому что занятая Профсоюзом позиция не только бесполезна, но и вредна русскому анархическому движению в Сев. Америке, и что свое мнение о резолюции Профсоюза Клуб решил высказать на страницах анархической печати.

От Профсоюза, в ответ на наше письмо, последовало два письма. В первом союз выставлял себя «невинным и мирным», а нас вояками: «вы, мол, любите воевать. Ожидаем вашего обвинения». Во втором письме союз уверял Клуб, что их «намерения были искренни и без всякой задней мысли» и предлагал Клубу «разобрать возникшее недоумение с резолюциями по-братски, не ругая друг друга и не выступая в печати, а письменно», т. е. путем переписки.

На собрании Клуба, при разборе второго письма, присутствовали члены Профсоюза Шаврук и Черный, приехавшие в Чикаго по другим делам. Эти товарищи, (кстати, они были делегатами на конференц. от Профсоюза), просили Клуб не выступать по поводу резолюций публично; они уверяли собрание, что неточности в резолюциях есть простой результат «неопытности корректоров», что Профсоюз, при товарищеском соглашении, изменит некоторые пункты резолюций, только, мол, не выступайте в печати. Каково же было удивление Клуба, когда, меньше чем через две недели, эти самые резолюции появились в № 296 «Голоса Труда». Оставим без оценки эту, с позволения сказать, дипломатическую игру Профсоюза, коснемся его роли на конференции. Профсоюз разыграл на конференции весьма непристойную и вредную с анархической точки зрения роль.

В опубликованных «решениях» второй пункт озаглавлен так: «наше отношение к федерации Сев. Америке». Русские анархисты Европы и Южной Америки, прочитав этот пункт, могут подумать, что в Соед. Штатах помимо федерации а.-к. существует еще особое от федерации ан.-ком. движение, возглавляемое детройтским Профсоюзом. На самом же деле, ничего такого нет. Профсоюз, как показала конференция, никого за собой не имеет: на созванной профсоюзом конференции присутствовали делегаты и гости организаций и групп от пяти городов и все эти организации и группы входят в состав фед. а.-к. Сев. Америки. Какое же иное отношение может быть у этих организаций к федерации кроме положительного? На конференции этот вопрос, согласно доклада нашего делегата, обсуждался совершенно в иной плоскости, в плоскости отношения Профсоюза к федерации, а не самой конференции. Делегаты указывали представителям Профсоюза, что, так как в Америке других русских анархических организаций, которые бы вели анархическую работу, кроме организаций входящих в состав федерации, нет, то Профсоюзу, если он заинтересован в анархической работе, следует присоединиться к федерации и работать с нею. Профсоюз не только на это не пошел, но даже больше того, рекомендуя в резолюции другим об'единяться с федерацией, сам ведет такую политику, которая не дает и намека на его желание об'единенной работы в духе его же циркулярного письма. А резолюция, вынесенная профсоюзом, определенно обязывает его к об'единению. Резолюция гласит: «принимая во внимание заявление делегатов групп, входящих в состав фед. Сев. Америки, что федерация не признала «Платформу» и ее партию, конференция пришла к заключению: так как между фед. и остальными группировками нет большой разницы во взглядах и пропаганде анархических идей среди трудящихся, то конференция настоятельно рекомендует всем анархистам об'единяться для совместной и более плодотворной работы»...

Профсоюзу можно сказать только одно: всуе законы писати, коли их не исполняти.

Но вот вопрос, какие же все-таки другие «группировки» имеет в виду Профсоюз? Разве они имеются? Если да, то почему они не только не присутствовали на конференции, но даже не прислали своих письменных решений? Правда, на конференции имелись письменные решения от шести групп, но ведь четыре из них примыкают все к той же федерации. Таким образом, на конференции от *«остальных анархических группировок»* имелись делегаты только от Профсоюза, а от двух из «остальных группировок» были присланы письменные решения — от «Кружка Друзей Свободы» г. Нью-Иорка и от Балтиморского Общества Самообразования. И это все. О существовании «Кружка Друзей Свободы», как анархич. организ., до конфедерации никто не знал и мало кто знает и теперь. Что касается возглавляемого Вышинским Балтиморского общества, то разве Профсоюз считает его анархическим, а не рассветовским? Повидимому, да. Тогда, стало быть, между рассветовцами и федерацией нет разницы «во взглядах и пропаганде анархических идей среди трудящихся в Америке и Канаде». Зачем же, в таком случае, Профсоюз писал в своем циркулярном письме, что анархистам Америки необходим *«орган, который стоял бы на страже рабочих интересов и сохранял бы чистоту анархических идей»?* Можно ли лучше стоять на страже рабочих интересов и сохранять чистоту анархических идей, чем это делает Вышинский с своим «пахарем-Рассветом» и «сеятелем-Пробуждением»?

Профсоюз старая рабочая организация, многое пережившая, но мало чему научившаяся. Он видит, например, причину упадка нашего движения в «Платформе» и ее партии, тогда как развал в нашем американском движении начался гораздо ранее появления «Платформы».

Еще в 1924 году некоторые товарищи призывали нас *«серьезно задуматься над положением нашего движения в Америке*, над идейным и нравственным уровнем тех, которые проповедуют строительство «на новых началах не узкоклассового характера, а на почве трезвого и просвещенного гуманизма». Они предлагали нам, в интересах движения, разоблачить рассветовцев; они определенно указывали нам на необходимость *«определенно и резко отмежеваться* от их «начал» и очистить движение от этой пошлости». (См. ст. Волина «О наших внутренних делах», журнал «Голос Труженика» № 4 1925 г.). Мы в свое время не обратили внимания на эти призывы. И что же случилось? А случилось то, что и нужно было ожидать. Добрая половина наших организаций разорена и оплевана, идейность их осквернена пошлыми рассветовскими началами, имущество наше продано тайным образом теми же проповедниками «трезвого и просвещенного гуманизма». Но Профсоюз этого не хочет видеть. Вся беда нашего движения, по его мне-

нию, в «Платформе». Нет, не Платформа нас раз'единяет, не она разорила наши организации и продала их имущество, а пошлые начала Рубежаниных, Моравских, Карпиков и К-о. Разница «во взглядах и пропаганде анарх. идей среди трудящихся в Америке» между Федерацией и Профсоюзом заключается не в том, что федерация признала или не признала Платформу, а в том, что *Профсоюз продолжает тащиться в хвосте рассветовщины.*

В пункте об изданий журнала говориться: «Выяснилось, что без печатного анарх. идейного органа в Америке анархическое движение не может развиваться и прогрессировать». Совершенно верно. Что же предлагает Профсоюз со своими *остальными группировками* для идейного анархического журнала? Согласно доклада нашего делегата, «Кружек Друзей Свободы» предлагает пригласить в сотрудники нового журнала А. Солоновича, Пастухова, Ю. Карпика и т. п., то-есть предлагается издавать «Пробуждение» под другим названием. Что могут дать эти «анархисты» кроме того, что они дают в «Рассвете» и «Пробуждении» и против чего все подлинные анархисты ведут борьбу. Профсоюз постыдился, очевидно, перечислить эти имена в резолюции о сотрудниках. Но чего Союз не решился сделать открыто, то он делает скрыто. Добавление к резолюции гласит: пригласить «также всех местных сотрудников, сотрудничавших в свое время в «Волне» и др. анарх. изданиях», т. е. Ю. Карпика, Рубежанина-Сука, Моравского и им подобных. Одним словом, тех же щей, да пожиже влей.

Дальше Профсоюз, якобы от имени конференции, говорит: «Так как Нью-Иорк, как центр русских в Америке, является более подходящим местом для издания журнала...., то конференция предлагает нью-иоркскому «Кружку Друзей Свободы» взять на себя инициативу издания журнала. На место редактора конференция рекомендует избрать редакционную коллегию из т-щей «Кружка Друзей Свободы», т. е. составить редакционную коллегию из друзей Солоновича и рассветовщины. Возможна ли такая глупость со стороны конференции, состоявшей в подавляющем большинстве из делегатов организаций, входящих в состав федерации, равно враждебной и Солоновичам и рассветовщине? Нет, конечно, невозможно.

Согласно доклада нашего делегата, конференция в большинстве высказалась за издание *еженедельной газеты* и совершенно не была согласна с предложением «друзей свободы». Почему же Профсоюз не отмечает этого в своих резолюциях? Да и вообще, почему он говорит — «конференция решила», «конференция рекомендует» если все эти постановления, решения и рекомендации исходят не от большинства конференции, а только от самого Профсоюза и его нью-иоркских «друзей свободы»? Во имя каких, спрашивается, целей Профсоюз занимается фальсификацией?

В вопросе о «Пробуждении» конференция, согласно доклада нашего делегата, в подавляющем большинстве высказалась *против* и вдруг, согласно Профсоюзу, выходит, что «конференция ничего не имеет против журнала «Пробуждение» и его издателей»!

Любопытно следующее обстоятельство. Когда делегаты конференции спросили представителей Профсоюза, принимает ли их союз участие в газете «Рассвет», то последовал решительный ответ — нет, решительно никакого участия. Даже больше: «на деловом собрании союза, при выборе делегатов на конференцию, были решено, что, если от газеты «Рассвет» на конференцию приедет ее редактор Моравский, то он должен быть удален, ибо он в некоторых своих передовых статьях высказывался с одобрением о монархизме». Но Моравский — редактор «Пробуждения», и это «Пробуждение» посылало горячее приветствие монархическим организациям.

Каким же это образом конференция анархистов-коммунистов, зная все это, могла вынести резолюцию благожелательную по отношению «Пробуждения» и его издателей? Нет, конференция ничего подобного не выносила — это личная стряпня Профсоюза, обнаруживающая всю его несознательность. Избавьте анарх. движение от таких друзей, а от врагов оно само избавится.

Последний пункт резолюций касается «Дела Труда». Этот пункт гласит: «Постольку поскольку журнал «Д. Т.» ведет пропаганду анархических идей на своих страницах, конференция приветствует его за это. Но конференция далеко не разделяет той недопустимой в анархической печати полемики, которая ведется на страницах «Д. Т.» в последние годы. Конференция обращается с горячим призывом к издательской группе»... и т. д. Конференция и этой резолюции не выносила, ее написал Нагорный (см. его статью в № 57 «Рассвета»), а Профсоюз, после раз'езда делегатов, отпечатал ее от имени конференции. Конференция стояла на совсем иной точке зрения в вопросе о «Д. Т.». По словам нашего делегата представители подавляющего большинства организаций заявили делегатам Профсоюза еще при решении вопроса об издании журнала, что они не присоединяются к изданию этого журнала, а будут попрежнему поддерживать журнал «Д. Т.». Все делегаты заявили, что «Д. Т.» является единственным серьезным анархическим журналом на русском языке и что другого пока нет. Таково было мнение конференции, но союзу это не понравилось и он написал без конференции иную резолюцию и выдал ее за мнение большинства конференции.

Когда клуб наш получил от Профсоюза циркулярное письмо, мы искренне верили в добрые намерения детройтских товарищей. Профсоюз использовал нашу искренность и искренность других организаций в интересах анти-анархических, в интересах рассветовщины с Вышинскими и Нагорными. Допустима ли такая компрометирующая политика со стороны старой рабочей организации, называющей себя анархической и взявшей на себя миссию, как говорит циркулярное письмо, «собрать все оставшиеся анархические силы, которые не успели омещаниться и закупориться в свою собственную скорлупу повседневщины»?

Неужели детройтские товарищи искренно верят, что такая их позиция может направить на верный путь тех

наших товарищей, которые, «не имея под рукой анархической печати, часто заблуждаются» ?

В заключение ко всему сказанному клуб заявляет: мы за об'единение *всех анархических сил;* за создание в Америке анархического органа, который *стоял бы на на страже рабочих интересов и сохранял бы чистоту анархических идей.* Но мы против какого бы то ни было общения с Вышинскими, Нагорными и им подобными «старыми работниками». Мы против приглашения в сотрудники мистиков Солоновичей-Моравских и К-о.

Пора, товарищи, понять, что ни один из идейно-честных, идейно-искренних русских анархистов не согласится сотрудничать на одних страницах с этими людьми, разлагающими наше движение. Пора, товарищи, *определенно и резко* отмежеваться от этих людей, от их «просвещенного гуманизми».

Мы призываем вас к этому, детройтские товарищи, и когда вы честно и искренне отряхнете прах анти-анархической рассветовщины и мистицизма с своих ног, мы рады будем снова работать вместе с вами.

Прогрессивный Клуб гор. Чикаго.

ЗАМЕТКИ

Читатели «Дела Труда» наверно уже прочли в аргентинском «Гол. Тр.» резолюцию конференции «Профессионального союза» г. Детройта. Поэтому на самой резолюции я останавливаться не буду, а скажу лишь несколько слов об авторе ее — «Профессиональном союзе». Еще до конференции мне т-щи передавали, что этот союз ушел от рассветовщины и хочет об'единиться с федерацией А. К. С. Ш. и К. Когда же союзу было предложено федерацией заявить публично о своем разрыве с рассветовщиной, он отказался это сделать и об'единение не состоялось.

Теперь выяснилось, что этот союз, поставил своей задачей организовать свою федерацию в противовес существующей и начать выпускать свой журнал. Все это для тех, кто не знаком с деятельностью этого союза в прошлом, как будто и ничего. Но кто знает историю этого союза, скажет, что это продолжение рассветовской лавочки, лишь слегка перекрашенной. Чтобы не быть голословными, посмотрим, чем был этот союз в недавнем прошлом и кто им руководит.

«Прфессиональный союз» г. Детройта усердно помогал рассветовщине сплавить имущество, принадлежавшее анархическому движению. Он активно помогал перевозить рассветовское гнездо в Чикаго и вложил солидную сумму денег на издание в Чикаго «Рассвета». Он же принял активное участие в издании «Пробуждения», зная хорошо, что это издание должно послужить некоторым прикрытием авантюрной деятельности рессветовцев. «Профсоюз» г. Детройта являлся опорой рассветовщины, которая на его глазах громила анархические группы, превращая их в национально антисемитские. Теперь, когда усилиями федерации А.-К. и группы «Дело Труда» рассветовщина разоблачена, союз этот очутился в незавидном положении и скромно заявил о своем уходе от рассветовщины. Он не об'яснил, почему ушел от «Рассвета», потребовал ли свои денежные вложения и т. д. Прогрессивный Клуб г. Чикаго, порывая с «Рассветом», подробно и для всякого ясно опубликовал причину своего разрыва. Это был действительный уход. Что сказал по поводу рассветовщины «Профсоюз» г. Детройта? А ведь он знает о ее авантюре не меньше, чем Прогрессивный Клуб г. Чикаго. «Уход» его от рассветовщины невольно наводит на сомнения и подозрения. Посмотрим, под чьим руководством все это проделывается.

Оказывается, «вдохновителем» этого «союза» является Павлов-Сверидюк — личность, несколько раз выброшенная из анархического движения. Первый раз этой участи он подвергся на 4-м А.-К. с'езде, и если для него было маленькое снисхождение в резолюции, то только благодаря его личным друзьям и тем обстоятельствам, в которых в то время находилось анархическое движение. После с'езда последовало исключение его «профессиональным союзом» гор. Детройта, в котором в то время этот «вдохновитель» был членом. Очутившись вне анархического движения, он переехал в Н. И. и вступил в небезызвестную группу «Буревестников». Но через короткое время был выброшен и из этой группы. Пришлось выжидать момента, который и представился, когда рассветовщина сделала свое дело, захватив «Профсоюз» в свое монархо-антисемитское болото и выжив из него некоторых товарищей, на место которых был принят три раза выброшенный из анархического движения Павлов-Сверидюк, ныне руководящий «Профессиональным союзом» г. Детройта.

**
*

Знаменательно еще и следующее: Профессиональный союз этот восстановил дружеские отношения с Аргентиной. Думаешь, это не спроста. И на самом деле, представителем аргентинского «Голоса Труда» оказывается рассветовский прихлебатель — некий Горелик. Тот самый Горелик, о котором Волин, будучи секретарем группы русск. ан. в Германии, писал, что он с шумом выброшен из этой группы. Рыбак рыбака видит издалека. Что сказал Горелик в «Госл. Труда» о рассветовщине»? На прошлом с'езде федерации, представителем исполнительной комиссии которой был Горелик, вопрос о рассветовщине был даже снят с порядка дня. Это значит, что для «Голоса Труда» (по гореликовски) рассветовщина не наносит никакого вреда. И это в то время, когда рассветовщина провоцирует анархическое движение, помещая всякие клеветы против «Д. Тр.» и против федерации А.-К. С. Ш. и К. Явный союз с рассветовщиной.

**
*

Просматриваем №№ «Голоса Труда» и наталкиваемся на знакомое имя. Это Волин. Как же так! Из Германии он нам сообщил, что Горелик выброшен из группы и вдруг теперь такой трогательный союз. А дело тут понятное. В свое время, будучи секретарем группы русск. ан. в Германии, Волин сам совершил в отношении нашей федерации некрасивый поступок. Достаточно указать на то, что в своем давлении на федерацию он поль-

зовался Майским, который, как Волину было известно, был исключен из Союза русск. рабочих г. Филадельфии за ряд поступков, о которых стыдно и писать (см. о Майском резолюцию в органе Союза русск. рабочих «Хлеб и Воля»).

Теперь все эти люди вновь действуют заодно против нашей федерации и ее органа «Дело Труда». Связывает всех их одна особенность, присущая им. Люди эти по природе своей способны только разрушать, громить и поганить живое дело. Строительной системы в их головах нет. Для них личный авторитет стоит выше всяких идей и всякой человеческой честности.

Е. Бел.

Нью-Иорк.

РАССВЕТОВСКАЯ МГЛА

От редакции: Печатаем письмо т. Бородина, в котором автор дает *общее* освещение и *общую* оценку рассветовщины и в связи с этим намечает задачи нашего движения в Сев. Америке.

Дорогие товарищи,

... Получили «рассветовскую мглу»*). С тяжелым чувством перечитывали этот, пожалуй, небывалый в истории нашего движения документ, это свидетельство далеко зашедшего разброда, хаоса и угрожающего гниения некоторой части анархического движения. Всякого рода вывихи, чудачества, элементы разложения и сползания с классовых рельс на враждебные революционному анархизму позиции, — все это имело и имеет еще место почти во всех странах. Однако, таких чудовищных размеров оно нигде еще не принимало, такого «качества» или вернее злокачества нигде еще не было. Такая черносотенно-фашистская «рассветовская» муть под флагом анархизма могла появиться лишь только в специфических условиях американской действительности. Анархическое движение в Америке, за исключение отдельных революционных островков (I. W. W.), с давних лет носило, по преимуществу либерально-салонный характер. Это обстоятельство обусловило собой отсутствие сколько-нибудь устойчивых классово-закаленных и анархически выдержанных кадров, особенно среди коренных американцев. Все, что было революционного в американском рабочем движении, уходило своими корнями в пеструю и довольно многочисленную дореволюционную эмиграцию Америки. И что особенно важно, тон в американском рабочем движении и особенно в его анархическом крыле задавала русская рабочая дореволюционная колония в большинстве своем анархически настроенная. Большая часть здоровых, революционно-настроенных анархических кадров выходила именно из среды русской рабочей эмиграции. Русская революция, (от'езд многих эмигрантов из Америки) обескровила революционное и особенно анархическое движение в Америке, лишила его лучших, наиболее здоровых кадров. Это обстоятельство, а также неудачное развитие революции в России отдали русское рабочее движение в Америке сначала под влияние меньшевистско-националистической, патриотической клики, а последнее время его разлагает явная кадетско-фашистская и поповская контр-революция. Если старая дореволюционная русская эмиграция в Америке по составу своему преимущественно рабочая и анархически настроенная оказывала революционное влияние на всю русскую колонию и анархическое движение в Америке, — то современная пореволюционная русская эмиграция, за отдельными исключениями, сплошь контр-революционная белогвардейская пытается оказать соответствующее влияние и на русскую колонию в Америке. Судя по тем материалам, которыми мы располагаем, — «рассветовщина», все эти Моравские, Рубежанины и К-о представляют собой ничто иное, как прямую агентуру зарубежной контр-революционной эмиграции в русском рабочем движении Америки.

И нет ничего удивительного, что именно в Америке ,в борьбе за влияние на русскую колонию и на русское рабочее движение кадетско-фашистская контр-революция вынуждена подлаживаться под анархическую фразеологию, начинать с этого «конца», прибегать в своей борьбе к помощи перебежчиков и предателей именно из анархического лагеря.

В русском рабочем движении Америки анархическое движение было наиболее влиятельным и многочисленным и в то же время наименее организованным и естественно, что контр-революционная эмиграция в борьбе за свое влияние вынуждена приспосабливаться именно к анархической фразеологии. Наша неорганизованность, идейная неоднородность и пр. сильно облегчает ей эту их работу. Вся эта исторически сложившаяся обстановка обязывает нас к определенным выводам, к решительной борьбе. Разумеется, дело не только в организационных мероприятиях и не только в организационном укреплении наших рядов. Нашу работу и борьбу надо повести шире, глубже, по всей линии. Нашим товарищам в Америке надо раз навсегда уяснить себе и раз'яснить всей рабочей массе тот факт, что *нет единой русской колонии*, надо раз навсегда положить конец идилии национального единства «изгнанников» «на чужбине». Надо раз навсегда уяснить себе и дать понять всей трудящейся массе русской колонии, что и там, в Америке есть *две* России: с одной стороны — трудовая, эксплуатируемая, революционная, а с другой — царская, контр-революционная, либерально-кадетствующая Россия, которая и там, в изгнании ни на одну минуту не перестает быть нашим злейшим классовым врагом. Надо взять курс на решительный раскол русской колонии по классовой линии на два лагеря. С одной стороны — трудовая революционная масса русских рабочих, возглавляемая крепкой, очищенной, идейно-однородной анархической организацией; с другой стороны — лагерь царской, кадетской, поповской фашиствующей эмиграции и перекинувшаяся и помогающая им — связями, традициями и нужной фразеологией — мелко-буржуазная муть рассветовщины.

---

*) Речь идет о брошюре «Что такое рассветовщина».

Вопрос о классовом расколе стоит сейчас так остро потому, что в прошлом, в дореволюционный период широкая масса организованной русской колонии в Америке в основном была более или менее однородная — трудовая. Вот почему в настоящих условиях этот вопрос стоит по новому и в отличие от других стран приобретает особое значение, благодаря наличию в Америке компактной массы русских рабочих и особенно русского революционного анархического движения.

Решительному курсу на классовый раскол русской колонии в Америке должна соответствовать и даже предшествовать не менее решительная линия на очищение, размежевку и расслоение анархических рядов. Надо повести решительное разоблачение рассветовщины, как наиболее гибкую и тонко замаскированную агентуру классового врага, которая несомненно не приминет любые здоровые подлинно-революционные ростки в анархическом движении заклеймить большевизмом. Надо поставить их на свое место — пособников, может быть и не всегда сознательных, зарубежной русской буржуазии, стремящейся найти для себя хоть какую-нибудь новую базу.

Андрей Бородин.

СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

Now and After. The ABC of Communist Anarchism by Alexander Berkman. New York, 1929.

Иностранная анархическая литература богата различными изданиями — книгами, брошюрами и журналами, трактующими те или иные вопросы теории и тактики анархизма. За последние 10-15 лет, в связи с мировой войной, революциями в Европе и, в особенности большевистской, «победоносной» революцией в России, — на книжном рынке появилось не мало книг, затрагивающих проблемы революции, власти и анархизма. Но ни одна книга не подходит к этим проблемам так об'ективно и правдиво, как именно недавно вышедшая на английском языке книга Александра Беркмана под названием «Теперь и После. Азбука Коммунистического Анархизма». Первое и главное достоинство этой книги надо усмотреть в ее об'ективном и правдивом изложении запутанных теоретических и тактических вопросов анархизма, разбираемых автором в свете опытов Великой Русской Революции. Второе достоинство книги — это ее легкий, популярный язык, доступный пониманию всякого мало-мальски образованного человека. Эти два достоинства — об'ективность и популярное изложение — делают книгу особенно замечательной и ценной во многих отношениях.

Свое предисловие тов. Беркман начинает следующими словами: «Я считаю анархизм наиболее разумной и практической идеей социальной жизни, основанной на свободе и гармоничности интересов. Я убежден, что анархизм есть действенный фактор в процессе человеческого развития. Время его осуществления зависит от двух факторов: во-первых, как скоро существующие условия сделаются физически и духовно невыносимыми для значительной части человечества, в особенности для трудящихся классов, и, во-вторых, как и в какой степени анархические идеи будут поняты и восприняты». И эта убежденность, эта уверенность автора в правоте своего идеала красной нитью проходит через всю его книгу.

Содержание отдельных глав книги, разделенной на три части, следующее: Возникновение классов и капиталистической системы производства. Закон и власть. Школа и церковь. Патриотизм и война. Кризис и безработица. Реформисты и политиканы. Социалисты и мировая война. Революция в России и большевики. Революция и диктатура пролетариата. Большевики и анархисты. Что такое анархизм? Признает ли анархизм насилие? Возможна ли анархия? Всеобщая стачка. Неизбежность революции. Социальная революция и анархизм. Победа революции. Защита революции. Производство и продовольствие.

Общее содержание книги тов. Беркмана сводится к следующему:

Современное классовое общество основано на порабощении и эксплуатации трудовых масс. Оно возникло благодаря насилию и обману со стороны богатых и привиллегированных классов. Вся социальная история человечества есть длинная цепь борьбы трудящихся классов за свободу и лучшую человеческую жизнь. Классовый характер современного капиталистического общества, вызывая периодические кризисы в производстве или промышленности, порождает с логической неизбежностью безработицу и сопутствующие ее нужду и голод среди рабочих, наталкивая последних на борьбу с классовым врагом. Но для охраны своих богатств и привиллегий хищная шайка господ, именующая себя правительством, насилием заставляет массу подчиниться выработанным ею законам. В этом правительственной власти помогают созданные ею же учреждения или институты: школа, церковь, закон, суд, полиция и армия. Ненасытные аппетиты капиталистических классов не знают границ: не довольствуясь своей собственной землей или территорией, они насильническим образом стремятся к захвату новых территорий, к захвату новых промышленных рынков. Отсюда возникают войны, главная подоснова которых кроется в стремлении капиталистических классов шире распространить свое владычество. Последняя мировая война как нельзя лучше, обнаружила насильнический характер господствующих классов и породила ряд революций в Европе. Революция в России ознаменовалась победой государственных социалистов-большевиков, установивших диктатуру своей партии в стране. Но русская революция осталась бесплодной — и именно потому, что большевики — эти русские якобинцы — целью своей победы считали не свободу, а государственную власть — это вечное орудие насилия и порабощения.

Анархизм стремится к свободе и к свободному общежитию людей. Главные, основные его цели — свобода и равенство людей. Свобода состоит в том, что действия личности не подлежат никаким стеснениям или ограничениям. Личность свободна делать все, что соответствует ее воле, желаниям и способностям, если только

последние не нарушают свободы и интересов других. Цель анархистов — максимум свободы для каждого! Равенство есть естественное право личности пользоваться материальными и духовными благами и полной возможностью в развитии своих способностей. Осуществление свободы может быть достигнуто только посредством уничтожения государства и всякой власти человека над человеком. Равенство будет достигнуто только в том случае, если все орудия и средства производства перейдут в руки самих трудящихся, т. е. когда не будет богатых и бедных, поработителей и порабощенных. С уничтожением государства возникнут вольные общины или трудовые анархические коммуны, которые установят различные сношения, руководствуясь принципами взаимной помощи и солидарности. Осуществление анархизма возможно только путем социальной революции.

Преддверьем к социальной революции явится всеобщая стачка, представляющая собою мощное орудие в руках рабочего класса. Всеобщая стачка по своему характеру и действию должна быть не политической, а социальной, т. е. она должна стремиться не к захвату политической власти в стране, а к коренному уничтожению всякой власти вообще. Русская революция 1917 года вначале наметила такое именно направление в социально-освободительном движении трудящихся масс, создав так называемые рабоче-крестьянские советы и фабрично-заводские комитеты. Но роковая ошибка этой революции состояла в том, что она не уничтожила во время государственной власти — сначала временного правительства, а затем большевистского правительства. Главные задачи социальной революции состоят, во-первых, в защите ее от многочисленных врагов и, во-вторых, в правильном решении вопросов производства и продовольствия. Необходимым фактором в защите революции явится военно-революционная армия, построенная на принципах добровольчества и революционной самодисциплины. Организованная таким образом, армия будет лучшей защитницей революционных завоеваний трудового народа. Уничтожив в корне наемничество и эксплуатацию, победившая революция установит новое производство в стране, которая, став независимой и свободной, сама должна будет направить колесо промышленной жизни и прокормить трудовое население страны своими собственными силами. Грядущая социальная революция, таким образом, должна быть анархической по своим методам и целям, и только такая революция обеспечит, наконец, торжество Анархии.

Знакомство с книгой тов. Беркмана очень важно и полезно будет для товарищей, владеющих английским языком. И остается только пожелать широкого распространения этой книги среди читающей рабочей публики, а также и перевода ее на русский язык.

Л. Липоткин.

И. В. ХАРХАРДИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В РОССИИ

(Продолжение)

Глава III. Русское Масонство.

Западно-европейское масонство, история его возникновения и сущность. Франк-масонство, розенкрейцерство, иллюминатство. История русского масонства. Характеристика его по периодам. Социальное учение русского масонства. Анархизм и масонство.

Масоны ведут свою родословную из далеких времен прошлого. Многие из них уверены, что начало их ордену положено было еще во времена постройки храма Соломона, когда в среде рабочих, строивших этот храм, образовалось тайное общество с религиозно-социальными целями, присущими теперешнему масонству. Историческая проверка опровергает эту легенду. В настоящее время можно считать более или менее точно установленным, что зарождение масонства нужно отнести к началу новой истории. Истоки масонства надо искать, повидимому, в обществах XII-го века, ставивших своею целью службу человечеству на основе христианского учения. Начало же подлинно масонской истории многие исследователи масонства считают с 1717 г., когда несколько английских обществ с отмеченными выше целями «соединились воедино и образовали великую ложу, которая поставила своею целью содействовать распространению более нравственной жизни»1). Зародившееся движение, получив название франк-масонства быстро распространилось по Англии, Франции, Германии и проникло в другие страны. Не останавливаясь на франк-масонском учении в его целом, необходимо отметить, что социальная сторона его сводилась к познанию бога, познанию себя и нравственному самоусовершенствованию, взаимопомощи и к требованию «деятельной любви к ближнему». Эти цели должны были осуществиться в условиях того социального режима, который в данное время существовал в стране. Изменение условий социальной жизни мыслилось масонами только через нравственное самоусовершенствование и благодаря ему. Вся теория франк-масонства носила строго рационалистический характер.

Сорок лет спустя в Германии образовалось течение, получившее название розенкрейцерства, которое, ставя себе примерно те же задачи, что и франк-масонство, в то же время носило ярко выраженный мистический характер и стремилось к познанию природы на основе священного писания. Из Германии розенкрейцерство проникло в Австрию, Польшу, Россию.

В 1776 году Адам Вейстгаупт положил в Германии начало новой ветви масонства — иллюминатству. Доктрина иллюминатов была еще сильнее проникнута духом рационализма, чем франк-масонство, и более всего пропиталась идеями Руссо. С точки зрения Вейстгаупта «основная идея их ордена — первоначальная свобода и ра-

1) Г. Шустер. — Тайные общества. Союзы и ордена. Том. 2. П. 1907 г., стр. 8.

венство людей, — составляет сокровенный внутренний смысл божественного учения Христа, в эпоху владычества духовенства и деспотизма, скрывавшегося под оболочкой франк-масонства»2). Основные положения иллюминатской теории лучше всего видны из следующих слов его творца: «Нравственность — это искусство, которое делает людей зрелыми и *учит их обходиться без властителей* (курсив мой *П. Х.)*. Следовательно, если нравственность, и только нравственность, может дать человеку свободу, основать царство благородных, уничтожить лицемерие, порок, суеверие и деспотизм, то станет понятным, почему орден, начиная с самого низшего класса, так настойчиво рекомендует нравственное учение, познание самого себя и других; почему он разрешает каждому новичку приводить друзей, чтобы укрепить союз и *создать легион*, который с большим правом, чем Фиванский, носит имя священного и непреоборимого, *ибо друг, тесно сплотившись с другом, борятся за права человека и защищают первобытную свободу и независимость*» 3) (курсив мой *П. Х.)*. В стремлении ордена иллюминатов к достижению первобытной свободы, равенства и независимости, т. е. к такому состоянию, при котором человечество находится в условиях безгосударственности, отчасти уже звучит анархическая нота. Экс-иезуиты, — по словам А. Н. Пыпина, — прямо обвиняли их в стремлении к низвержению порядка, престолов и алтарей»4). А розенкрейцеры в циркуляре против иллюминатов, появившемся во второй половине восьмидесятых годов XVIII века (между 1785-1787 г.г.), писали: «иллюминаты, во многих странах Европы рассеявшиеся, суть весьма вредоносная секта, враждующая на царство Иисусово и на истинный орден... для чего и стараются они всевозможными образами уловлять души и отвлекать от истинной чистой христианской религии, стремясь к разрушению всех связей, нужных к содержанию богоугодного порядка в обществах, требующего любви и повиновения к государям и властям, от них учрежденным; стараются они внушать злое стремление к необузданной независимости от светской и духовной власти»5). Сопоставление обвинений, взводимых на иллюминатов, с целями ордена в изложении его основоположника говорит за то, что обвинения не были сплошь голословными. Справедливость требует отметить, однако, что организация самого ордена зиждилась на началах деспотизма и власти его верхушки.

Для нас, как видно из предыдущего изложения, наиболее интересно иллюминатство, так как в нем, хотя и туманно, были частично формулированы близкие к анархизму идеи. Но и в франк-масонстве были отдельные течения, которое с большей осторожностью могут быть рассматриваемы, как предшественники анархического идеала. Наиболее полно это отразилось в масонстве, проникнутом хилиастическими надеждами на установление на земле тысячелетнего царства Иисуса Христа, в котором будет осуществлено всеобщее равенство и благоденствие7).

Русское масонство и его история исследованы еще в слабой степени. В Россию масонство проникло из Англии. Возникновение масонского движения в России относится обычно к 1731 или 1732 году7). Отдельные же исследователи полагают, что зарождение русского масонства надо отнести к более раннему времени. Так, например, Г. В. Вернадский предполагает, что масонские идеи были занесены в Москву Квирином Кульманом (последователь Л. Беме) еще в 1689 году. Неизвестно, каковы были результаты его пропаганды. Есть лишь сведения, что он и его ученик — Нордеман — были сожжены московским правительством по обвинению в ереси. Но и Вернадский держится того мнения, что в первое время масонство, если оно и имело последователей в России, гнездилось лишь среди иностранцев8).

Всю историю русского масонства можно разделить на три периода.

В первое время (1731-1762 г.) оно «было у нас исключительно модным явлением, заимствованным с Запада без всякой критики и не носившем на себе почти никаких признаков здравых общественных потребностей»9). Это было время увлечения франк-масонством. Сторонники учения привлекались почти исключительно из среды крупной аристократии. Участники движения становились масонами из-за любопытства — их привлекал к масонству интерес к обрядности и надежда испытать что-то неизведанное. Вполне понятно поэтому, что при таких условиях русские масоны не имели почти никакой общественной философии. Собрания масонских лож представляли собой товарищеские пирушки, сопровождаемые исполнением масонских обрядностей.

Второй период (1762-1792 г.г.) носит совершенно иной облик. В нем масонство становится общественным движением, имеющим свою определенную законченную нравственную и социальную философию. В это время движение распадается на два русла — франк-масонство и розенкрейцерство. Это расслоение, повидимому, было не случайным. Франк-масонство попрежнему развивалось в аристократических кругах. Вокруг него группировались главным образом все те элементы правительственного аппарата и родовой знати, которые, будучи недовольны правительственной политикой в тех или иных вопросах, находились в оппозиции10), не покидая, однако, своих постов и оказывая сильное влияние на правительственный аппарат. Число масонов в главнейших учреждениях было довольно значительно. В частности,

2) Г. Шустер. — Тайные общества. Том 2, стр. 93.

3) Там же.

4) А. Н. Пыпин. — Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.в. П. 1916 г., стр. 355.

5) А. Н. Пыпин. — Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.в. П. 1916 г., стр. 355.

6) О пилиастах XVIII в. см. А. Сюдр. — История коммунизма. П. 1870 г.

7) А. Н. Пыпин. — Русское масонство, стр. 25—26 года.

8) Г. В. Вернадскій. — Русское масонство в царствование Екатерины II. П. 1917 г., стр. 1 и след.

9) А. В. Семека. — Русское масонство в XVII' в. «Масонство в прошлом и настоящем». Том I, 1914 г., стр. 125.

10) Г. В. Вернадский. — Русское масонство, стр. 221.

в 1777 г. из 11 членов Императорского Совета 4 члена были масонами, из 31 человека придворного штата масонами было 11 придворных и т. д.11). Масонские ложи давали им возможность общения и сговора. Они являли собой наиболее консервативную часть русского масонства того времени. Розенкрейцерство, роль которого особенно усилилась с 80-х годов восемнадцатого столетия, захватило преимущественно средние слои русского дворянства. Зараженное мистицизмом, алхимическими исканиями и социальным обскурантизмом, оно, казалось, должно было бы и из своих русских последователей сделать приверженцев существующего порядка и престола. К счастью, благодаря вступлению в движение таких выдающихся людей, как Н. И. Новиков и И. Е. Шварц, этого с русскими розенкрейцерством не случилось. Именно эта ветвь русского масонства оказалась для своего времени наиболее прогрессивной и оппозиционно настроенной по отношению к русской государственности. Их стараниями в масонство оказалась вовлеченной молодежь — кадеты и студенчество Москвы и Петербурга. Московские же розенкрейцеры впервые пробудили общественную инициативу в борьбе с голодом 1787 г. Они широко поставили дело частного книгопечатания и сыграли выдающуюся роль в деле русского просвещения, ассигновав средства на подготовку учительского персонала и образовав ряд учено-учебных и культурно-просветительных обществ. Общественное влияние их было так сильно, что «весь московский университет во времена Хераскова был в руках масонов»12). Количество масонов в этот период по некоторым данным должно быть значительно, так как по сообщению одной немецкой газеты в 1787 году в России насчитывалось 145 лож. Вернадский считает, что в 1770-1780 г.г. у нас было до 2.500 масонов13).

(Продолжение следует).

11) Там же, стр. 86-90.

12) А. В. Семека. — Московские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства. П. 1902 г., стр. 16.

13) Г. В. Вернадский. — Русское масонство, стр. 84-85.

«ТВЕРДЫЙ» КУРС

В СССР в этом году вышел с предисловием *Н. И. Бухарина*, учебник *«Советская Экономика»* А. Айхенвальда (сына известного литературного критика, недавно умершего). Автор учебника — страстный коммунист и в 22 году был уже советским профессором. Учебник этот выходит уже *пятым* изданием. Тираж этого пятого издания — 50.000 экз. Надо думать, что каждое из предыдущих четырех изданий было выпущено также не менее, чем в 50.000 экз. В течении нескольких лет по этой книге учится юношество в СССР. Но вот как последнее издание этого учебника встретил И. Сольц, — один из подручных Сталина. «Эта книга, написанная популярным языком и обладающая некоторыми литературными достоинствами, *насквозь оппортунистична по трактовке основных, актуальных вопросов политики партии* (курсив Сольца). Далее, «Айхенвальд грубо извращает кооперативный план Ленина». Книга содержит «кулацкий уклон». «Айхенвальд ратует против колхозного строительства». «Более безответственное извращение Ленина трудно себе представить».

В заключение сталинский борзописец разражается типично полицейским окриком: «Всем этим наглым измышлениям представителей «бухаринской школы» партия давала и будет давать решительный отпор. Всех этих мелко буржуазных идеологов и «крестьянских философов» партия поставит на место и в случае их фракционного упорства в отстаивании своей антипартийной отсебятины выбросит из своих рядов в мусорный ящик истории, где покоится уже не мало героев мелко-буржуазной «доблести», пытавшихся бороться с партией». («Правда» от 16 ноября 1929 г.).

Попутно Сольц ругает Бухарина, давшего *«одобрительное предисловие»* к этой *«политически вредной книге»*, как определяет Айхенвальда Сольц.

— Раз держиморда Сольц угрожает выбросить из партии автора учебника, то самый учебник наверное уже выброшен. И это после того, как по нем училась в течении нескольких лет вся русская молодежь. Одних денег — труда рабочих — сколько было убито на выпуск пяти изданий этого учебника. Теперь подручный Сталина находит в нем уклоны и все издания должны пойти на свалку. Правда через какой нибудь год могут оказаться под подозрением писания самого Сольца (если он способен что либо написать) или того же Молотова и др. и тоже пойти на свалку. Вот это называется «твердый курс», «отчетливая линия», «единой» и «единственной» партии. И в особенности, — следует добавить, — это называется бережное обращение этой «единственной» партии с трудом рабочих. «Учебник» А. Айхенвальда, в сотнях тысяч экземпляров идущий на свалку, лишь капля в море того уничтожения труда рабочих и крестьян, которому на одном только литературном фронте предается компартия. Охваченная всеобщей ненавистью и взаимным недоверием, она изо дня в день сжигает то, чему вчера только заставляла рабочих и крестьян поклоняться.

ПРОТИВ РЕАКЦИИ И ТЕРРОРА

Рабочий класс зажимается в тиски эксплоатации и рабства всюду одинаково, — как в большевистском, так и в капиталистическом царстве. Всюду голод, безработица, бесправие. У нас в Лос-Анжелосе безработица развивается быстрым темпом. Положение рабочих становится все тяжелее и тяжелее. Но все же, когда наблюдаешь бушующую в России реакцию большевистской власти, забываешь о себе и думаешь о страданиях наших братьев в СССР. Нельзя быть спокойным при виде гнусных насилий, которым большевики подвергают все революционное и честное в рабочем классе. Аресты наших товарищей-анархистов, десятки лет боровшихся за полное освобождение рабочего класса, аресты Рогдаева, Бармаша, Худолея и многих других и, наконец, арест профессора и теоретика анархизма А. Борового, показывают воочию каждому, что

контр-революционности, гнусности и подлости большевиков нет предела. Эти палачи русской социальной революции затевают новый вид порабощения рабочих и крестьян, потому то они и сажают заранее в тюрьму всех подлинных революционеров.

От большевиков не отстает в палачестве и буржуазия. В штате Калифорния, в тюрьме, много лет гноятся т. т. Том Муни и Билингс. Всем известна их невиновность, но буржуазия гноит их, так, как большевики гноят наших товарищей в СССР. Многие политиканы предлагают устроить голосование всех граждан штата Калифорнии, дабы выяснить их невиновность. Но мы знаем, что голосование не решит этого вопроса. Весь рабочий мир голосовал за Сакко и Ванцетти, но буржуазия не обратила на это никакого внимания и казнила двух мучеников анархистов. Точно также никакого внимания не обращают на мнения рабочих и большевики. Необходимо бороться забастовками, протестами-демонстрациями за жертвы капитала и власти — за Т. Муни и Билингса, за т. Радовицкого за сидящих на большевистской каторге анархистов. Товарищи рабочие, будемте на каждом шагу клеймить и преследовать палачей нашей жизни и нашей свободы, желтых и красных палачей буржуазии и большевизма. Сольемьте свои голоса в один мощный крик: «Долой фашистское и большевистское насилия над трудящимися! Долой диктатуру буржуа и большевиков! Пусть живет царство вольного труда без власти и без хозяина — царство анархического коммунизма!»

А. Леонов.

Лос-Анжелос.

К АНАРХИСТАМ И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТАМ ВСЕХ СТРАН

Товарищи!

Мы, польсккие анархисты заграницей, обращаемся к Вам, анархистам и синдикалистам всех стран с горячим призывом о вашей помощи, для того, чтобы дать возможность польскому комитету пропаганды заграницей вести свою трудную работу.

Политические события мая 1926 г. в Польше толкнули рабочие массы в лагерь оппозиции. Польские рабочие втечение долгих лет жившие мыслью о независимости и надеявшиеся на Пилсудского, становятся все более трезвыми. Они не видят больше в Пилсудском своего спасителя, но видят в нем своего угнетателя, защитника интересов капиталистов и больших помещиков. Под давлением этих отрезвевших рабочих масс, даже социал-патриотические рабочие и т. н. крестьянские партии вынуждены были полеветь. Польская социалистическая партия (Р. Р. S.) взяла на себя инициативу образования блока всех социалистических партий, в том числе и партий национальных меньшинств с единственной целью: борьбы против диктатуры Пилсудского и его друзей. Крестьянские партии «Пьяст» и «Вызволение» идут рука об руку с П. П. С., стараясь на время затушевать свои интересы больших и средних крестьянских собственников.

Но мы знаем все, что цели социалистов из II-ого Интернационала не идут дальше демократии и парламентаризма — и что с настоящей революционной борьбой пролетариата их политика ничего общего не имеет.

Что касается коммунистической партии в Польше, то нужно констатировать, что она настолько себя дискредитировала в глазах рабочих масс, благодаря своей тупой и вредной тактике в синдикальном движении, приведшей к самоуничтожению своих собственных синдикатов — что значение ея как политического фактора все время падает. К тому же она разлагается под влиянием различных «уклонов» и всяких оппозиций, что также подтачивает ее силы. Ее ряды редеют все больше и больше: рабочие массы окончательно отрезвились от всяких иллюзий: ни черная диктатура Пилсудского, ни красная Сталина их больше не привлекает. Зависимость же коммунистической партии от Москвы и директивы оттуда еще усугубляют невозможность для нее вникнуть в толщу польских рабочих масс, и найти верный путь для защиты их экономических и социальных интересов.

При таком положении в Польше, на долю польских анархистов падает тяжелая задача собирания и организации польских рабочих масс, не питающих больше националистических иллюзий, и доказать этим массам, что только анархисты борятся за интересы угнетенных трудящихся. Анархическая пропаганда может повести польские рабочие массы к их экономическому и социальному освобождению, не путем парламентской комедии или реформистского болота, не путем диктатуры над пролетариатом, но благодаря прямого революционного действия самих этих рабочих масс, — к Социальной Революции.

Анархизм в Польше стал за последнее вермя *реальной силой* в рабочем движении этой страны.

О его существовании знают широкие рабочие массы и интересуются его работой и пропагандой. К несчастью, голос анархизма еще чрезвычайно слаб, работа анархистов непрерывно наталкивается на полицейский террор, и на крайнее отсутствие материальных средств, необходимых для пропаганды.

Анализируя положение трудящихся в Польше, мы польские анархисты пришли к тому убеждению, чот долг наш перед рабочими массами и перед анархизмом — *усилить свою революционную работу. Теперь или никогда. Надо возродить движение, пребывавшее в течении долгих лет в состоянии спячки.*

Для достижения этой цели, мы, польские анархисты заграницей, образовали комитет для собирания финансовых и материальных средств, необходимых для пропаганды. От нашей работы зависит образование в Польше мощного анархического движения, способного играть большую роль в жизни и в тех классовых битвах, которые неминуемо должны скоро в Польше наступить. Если уже мы от работы откажемся — анархическое влияние на рабочие массы опять падет до ничтожных размеров.

Дорогие товарищи! *Мы хотим, мы обязаны действовать. И мы вас призываем к нам на помощь, так как мы уверены, что вы учтете всю важность широкого массового анархического движения в одной из самых значительных стран Восточной Европы. Образуте комите-*

ты содействия. Развивайте повсюду свою деятельность. Собирайте необходимые средства. Помогите вашими силами образованию в Польше широкого анархического рабоче-крестьянского движения, борящегося за Социальную Революцию и за Анархизм.

Заграничный Комитет польских анархистов.

Париж, декабрь 1929 г.

От редакции. В ближайших номерах мы дадим очерк по истории анархического движения в Польше за последние годы.

КУДА ИДУТ МЕНЬШЕВИКИ?

На тему «Куда идет Сталин» лидер российских соц.-демократов и член бюро исполнительного комитета рабочего социалистического интернационала, Г. А Абрамович прочел 27 ноября в Париже доклад. По мнению докладчика Сталин уничтожил нэп и на 180 градусов повернул руль по направлению к социализму. Чем об'ясняется столь решительное стремление большевиков осуществить возможно скорее социализм? Докладчик для об'яснения этого явления указывает на невозможность сосуществования нэпа и коммунистической диктатуры. Монолитная партия под влиянием нэпа начала разлагаться, явление совершенно правильное, и на которое уже неоднократно указывалось в «Деле Труда». И вот чтобы спасти партию, надо было уничтожить нэп и ввести военный коммунизм, что Сталин и сделал. Но так как военный коммунизм — вещь сейчас неосуществимая, то, следовательно, Сталин ведет страну к фашизму или к катастрофе.

Очертив, таким образом, путь большевиков, докладчик одновременно говорил и о задачах социал-демократов в России. Но говорил он об этом чрезвычайно глухо. Нужно-де вести реальную экономическую политику и препятствовать фашистскому перевороту. На поставленный ему прямо вопрос, что он подразумевает под «реальной экономической политикой», Абрамович прямо же и ответил: «*Это капитализм*».

Итак, не может быть больше сомнения, куда ведет рабочих социал-демократия. Но прямо признавшись в этом, Абрамович стал затушевывать смысл и значение этого признания, говоря, что есть-мол хорошие и плохие капитализмы, а социалисты будут бороться за «хороший» капитализм в России. Но если сопоставить эти признания Абрамовиач с тем, что он говорил несколько минут раньше, а именно, что Россия после переворота попадет в руки главным образом иностранного капитала, можно себе представить, какой «хороший» капитализм будут насаждать вместе с лордами Детердингами в контр-революционной России социалисты со своими лидерами, как Дан и Абрамович.

На кого же думают опираться меньшевики для насаждения капитализма в России? Оказывается, Абрамович главную свою надежду возлагает на те честные коммунистические массы, которые верят еще в возможность строительства социализма в России и потому поддерживают большевиков. Когда же эти массы окончательно в большевиках разочаруются, тогда они повинуясь неотразимому влиянию меньшевистских доводов о необходимости введения капитализма в России, валом повалят к социалистам. И эти же массы, так по крайней мере надеются меньшевики, собственными руками уничтожат революцию, и снова призовут из-за моря иностранцев княжить и править ими. Таковы мечты и думы Абрамовича. Но тогда, когда коммунистические рабочие массы, наконец, поймут, что большевики вели их по неправильному пути, свернут-ли они окончательно с широкого столбового пути революционной борьбы на путь насаждения капитализма в России, под отеческим оком меньшевиков? Может быть, разорвав с большевиками, увидят они, наконец, ту силу, которая также борется за социализм, но другими путями, чем большевики. Поймут они, что должны итти с той партией, чьи лучшие борцы беспрестанно и беззаветно погибают в борьбе с капиталом, начиная с момента зарождения анархизма и до Сакко и Ванцетти и уже после них погибших героев. В борьбе за душу коммунистических рабочих масс, меньшевики будут иметь серьезных противников. За кем же останется победа в этой борьбе, за кем пойдут все, кто честно верит в социализм, и кто хочет за него бороться — это покажет будущее.

К ТОВАРИЩАМ, ПОЛУЧИВШИМ БРОШЮРУ «ДВА ПОБЕГА».

Брошюра П. Аршинова «Два побега» издана в пользу заключенных в СССР анархистов. Вся прибыль, которая получится от ее продажи, организацией «Дело Труда» будет направлена в помощь заключенным и ссыльным нашим товарищам. Поэтому просьба ко всем организациям, имеющим на руках эту брошюру, шире распространить ее среди рабочих и поспешить с высылкой денег — либо на адрес «Дело Труда», либо на адрес секретаря федерации анархо-коммунистических групп С.-Штатов и Канады.

Напоминаем всем товарищам, что положение заключенных и ссыльных в СССР анархистов крайне тяжелое: нет белья, нет одежды, нет необходимого питания. Между тем, подошло холодное время и тяжесть заключения увеличилась, увеличились заболевания и угроза смерти. Необходимо повсеместно организовать сборы средств в помощь нашим заключенным товарищам.

К СВЕДЕНИЮ ТОВАРИЩЕЙ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ДЕЛО ТРУДА»

Редакция приготовила комплекты «Дело Труда» (в переплетах) от 1-го по 53 ном. включительно. Желательно, чтобы организации (и отдельные товарищи тоже), получили комплекты, внеся стоимость их в фонд «Дело Труда».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В. Волину. На раз'яснения редакции, почему ваше письмо не может быть помещено в «Д. Тр.», вы ответили полупротестом, полуругательством. В то же время свое «Письмо в редакцию», с искажающими истину комментариями, вы разослали ряду товарищей. Это обстоятельство побуждает редакцию дать вам раз'яснение на стр. «Д. Т.» по поводу ненапечатания вашего документа.

Ваше «Письмо в редакцию», в котором вы «поправляете» корреспонденцию из России («Вопросы внутреннего строительства», «Д. Тр.» № 50-51), не печатается не потому, что оно ставит редакцию «Д. Тр.» «в неудобное положение»,

как вы заявляете. Наоборот, «Письмо» ваше для «Дела Труда» является очень удобным документом. Оно наиболее полно вскрывает несостоятельность ваших же возражений. В самом деле, в нем вы ссылаетесь на то, что еще в 1925 г. на страницах «Голоса Труженика» выступили против «Рассвета». Этим вы стремитесь показать, что неправ автор корреспонденции из России, возмущающийся вашим «недостойным поведением» в истории той борьбы, которую «Дело Труда» ведет с рассветовщиной. Между тем, автор этой корреспонденции — наш старый уважаемый товарищ — говорит не о 1925 г., а о последних двух годах времени, когда вопрос о рассветовщине принял форму острого столкновения всех честно преданных анархизму работников с провокаторами из «Рассвета» и «Пробуждения». Именно в этот момент вы не только не протестовали против провокаторских махинаций рассветовцев, но все время молчали, когда они, возводя отвратительные клеветы на редактора «Дело Труда» т-ща П. Аршинова, **пользовались при этом вашим именем.** Больше того — в этот именно момент, в статье «Зло, с которым надо бороться», вы выступили против «Дела Труда» с клеветою, которою широко воспользовались рассветовцы против «Д. Тр.» (опять таки при вашем молчании, которое в данном случае не могло быть понимаемо иначе, как ваше согласие с рассветовцами). И не случайно заправилы рассветовщины — Моравский и Рубежанин — обратились к вам с предложением об'единиться с ними в борьбе против Аршинова и «Дела Труда». Вот это ваше поведение и имели ввиду российские товарищи; именно этим поведением они «глубоко возмущались». При чем же тут ваши ссылки на 1925 г.?

Вы грозите, что обратитесь к «другим способам довести правду — всю правду — до сведения товарищей». Полагаем, что ваша «правда» достаточно известна большинству товарищей, хотя бы из вашей статьи «Зло, с которым необходимо бороться».

В печатаемой в настоящем номер «Д. Тр.» статье Прогрессивного Клуба г. Чикаго приводится как раз то место вашей статьи в «Гол. Труж.», на которое вы ссылаетесь в своем «Письме в редакцию». Из этого факта вы можете видеть, что редакция «Д. Тр.» не уклоняется говорить о вас правду и не испытывать при этом никакого неудобства. Ваше же «Письмо в редакцию» она не печатает совсем по другим мотивам — исключительно по чувству и соображениям революционной чистоплотности. Ведь это вы квалифицировали «Дело Труда», как орган анархо-хулиганства и антисемитизма (статья «Зло, с которым надо бороться»). Редакция «Дело Труда» считает, что после подобных намеренно ложных и чудовищно-грязных обвинений никто из авторов этой статьи, **ни при каких условиях** не может иметь места на страницах «Дело Труда» впредь до аннулирования ими этого своего поступка. В письме от 23 октября редакция «Д. Т.» известила вас, что лишь после того, как вы аннулируете этот свой бесчестный поступок, ваше письмо может быть напечатано в «Д. Тр.». Вы отказываетесь это сделать, т. е. продолжаете держаться прежней лжи в отношении «Д. Тр.». Редакция охраняет чистоту своего органа. Даже в личных отношениях недопустимы нравы, по которым сегодня можно бесчестить ближнего, а на завтра, как ни в чем не бывало, обращаться к нему с тем или иным делом. Тем более недопустимы подобные нравы в жизни общественных организаций. Это азбука подлинной революционной и анархической морали. Эту мораль вы забываете, но аппелируете к морали буржуазной журналистики, говоря, что раз о вас напечатано в «Д. Тр.», то извольте напечатать и ваш ответ **независимо от того, какие поступки накануне вы совершили в отношениии нас и нашего органа.** Эту — буржуазную мораль мы отбрасываем и призываем вас к революционной и анархической морали.

Будьте сначала честны в своих поступках в отношении «Дела Труда» и уже потом требуйте себе места на его страницахъ.

Редакция «Дело Труда».

ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ПОЛ. ЗАК. ГОР. СТ.-ЛУИСА

Уведомляет все группы и отдельных тов. о том, что организуемый им розыгрыш столовых часов в пользу политических заключенных назначается на 15 декабря этого года. Поэтому просьба ко всем группам и отдельным товарищам, распространить как можно больше взятых билетов и позаботиться затем к пятнадцатому декабря возвратить в Общество деньги и оставшиеся билеты. С тов. прив. *Общество пом. пол. зак. гор. Ст. Луиса Мо.*

***

ОТЧЕТ

организации Ан.-Ком. «Дела Труда» от 10 октября по 1 декабря 1929 г.

Приход: Остаток на 10 октября: 21 дол. 534 фр. 75 сант.; от т. Мостовского (4 д.) 100 фр.; от т. Мануилова за «Д. Т.» и «Два Побега» — 55 фр.; от т. В. Харлаши на «Д. Т.» 15 фр.; от т. Островского из Юнгстона — 100 фр.; от тт. Киры и Гох за «Д. Т.» и «Два Побега» — 19 фр. 25 с.; от Союз. Росс. Труда. г. Монреаля — (68 дол. 05 с.) 1684 фр. 25 с., из них 21 дол. 55 с. за литературу, а 46 дол. 50 с. пожертвованія *), из которых 15 д. 50 с. для заключенных в России анарх., а 15 д. 50 с. в помощь Н. Махно; от Дейтройтсткого Кружка Самообразования за «Два Побега» — (15 дол.) 375 фр.; от т. Леонова — (5 долл.) 125 фр.; от Прогресс. Клуба гор. Чикаго — (21 д. 20 с.) 532 фр. 50 с.; от т. П. Гонда 16 фр., — размен 21 д. = 525 фр. **Всего** — 4081 фр. 75 с.

Расход: Экспедиция №№ 52-53 «Д. Т.» и брошюры «Два Побега» 846 фр. 50 с.; уплочено в типографию за «Д. Т.» №№ 52-53 1777 фр. 50 с.; подписка на газету Пр. декабрь-январь и другие газеты — 88 фр.; дорожные расходы — 43 фр.; корреспонденція — 80 фр.; уплочено за 40 переплетов комплектов «Д. Т.» — 440 фр.; передано в кассу заключенных присланные из Монреаля — (15 дол. 50 с. канадские) 383 фр. 55 с.; передано Н. Махно присланные из Монреаля — (15 дол. 55 с. канадские) 383 фр. 50 с. **Всего** — 4042 фр. 10 с. Остаток на 1 декабря 1929 г. — 39 фр. 65 с.

*) Жертвовали след. товрищи: Д. Душин — 5 дол.; И Панасюк — 6 д. 50 с.; М. Паратов — 5 д.; М. Куба — 8 д.; С. Каваль — 5 д.; К. Шурко — 5 д.; С. Куба — 5 д.; Н. Гинь — 2 д.; С. Назарчук —2д.; В. Белик — 1 д.; С. Глинистый — 1 д.; К. Шумович — 1 д.

***

Отчет в средствах для помощи заключенным анархистам в СССР от 10 сентября по 1 декабря 1929 г.

Приход: остаток на 10 сентября 1929 г. 402 ф. 95 с. зл. от Союза Росс. Труж. г. Монреаля 383 ф. 55 с. От Общ. Помощи г. Сан Луи 50 дол. Всего: 50 д., 786 ф. 50 с., 9 зл.

Расход: Послано заключенным товарищам: 50 д., 577 фр. 75 с. Остаток на 1 дек. 1929 г. — 208 ф. 75 с., 9 зл.

***

ОТЧЕТ

Нью-Иоркской группы по сбору средств в день рабочей печати в пользу «Дело Труда.

Жертвовали следующие товарищи: И Са—н 5 д.; И. Д—к 5 д; С. Ка—й 5 д.; К. Зе—к 5 д.; С. Ва—ч 5 д.; Ипатий 5 д.; М. Ме—к 2 д.; бур. 2 д.; С. Т. 2 д.; С. Селак 1 д.; Райва 15 д. Итого 52 дол.

***

Поправка: В №№ 52-53 «Д. Тр». под отчетом кассы помощи Политическим Заключенным ошибочно поставлена подпись «Группы А. К. г. Нью-Иорка». Эта подпись должна стоять под отчетом о розыгрыше золотых часов в пользу «Д. Т.», напечатанном в том же номере.

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris